

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН ПЕРЕВЕРНУТЫЕ ДНИ

1. УТРО 05.02.2050

Полицейский стоял почти неподвижно. Двигались только его раскосые глаза. Он провожал взглядом практически каждого мужчину европейской наружности, но останавливать никого не спешил. Он пропустил даже двух небритых кавказцев, которые прошли мимо блюстителя порядка с далеко не дружелюбными выражениями на лицах. Полицейский явно кого-то поджидал. Кого-то определенного. Его напарник замер у противоположной стены вестибюля и внимательно изучал тех, кто поднимается на эскалаторе снизу. В общем-то, этот дополнительный контроль был не лишним. На сигналы вживлённых чипов полиция давно махнула рукой; их подделывали все кому не лень, а сканеры отпечатков пальцев и голосовые идентификаторы оказались весьма условной поисковой системой. Клиент мог проделать путь через весь город, ни к чему не прикасаясь и не произнося ни слова. Устройства, считывающие рисунок сетчатки глаз, использовались только на входах в крупные магазины, конторы и госучреждения. Об идентификации внешности нечего и говорить. При современном развитии пластической медицины человек мог менять облик хоть три раза в день. Пришел на работу с лицом знаменитого арабо-европейского актера Отто Валенштайна, а ушел китайцем. Вернее – псевдокитайцем. Полного соответствия избранной нации добиться было трудно. Особенно фальшиво выглядела такая маскировка для опытных полицейских-хунвейбинов, сокращенно – просто «бинов». Поэтому никто ею уже давно не пользовался. Проще было сделать себе типичное славянское лицо и раствориться в толпе таких одинаковых, с точки зрения любого бина, русских.

Иван про себя усмехнулся. «Тверже шаг и морду кирпичом», – вспомнился ему инструктаж Нагана.

Проще-то проще, да не на все сто. Эти два полицейских были явно из спецотдела. А сотрудников этой службы тренировали по особой программе в Центре генетической модификации. В этом логове современного гестапо с китайской спецификой. Кто знает, не будь в распоряжении полиции специального отдела и ЦГМ, потребовались бы московской разведке радикальные методы? Вполне возможно, обошлись бы агитацией.

Ну, всё! Прочь мандраж! Главное – не напрягаться. Идти, слегка поеживаясь и небрежно стряхивая с куртки хлопья тающего снега. Наверное, последнего в этом году. Еще неделя – и зима закончится. На площади Великого Кормчего уже распустились подснежники. Впрочем, это не показатель. Там клумбы с подогревом. Если бы не суровая действительность, цветы могли бы расти там круглый год. Но сибирская природа не терпит самодеятельности. Это вам не Европейская Аравия. Здесь поблизости гольфстримы не текут и теплые циклоны с Атлантики сюда не доходят. Это даже не Россия. В Москве и Питере, наверное, тоже давно все зеленеет... не то, что здесь.

Эх, только бы удалось! Враг терпелив, коварен и умён, его аналитики при помощи суперкомпьютеров разгадывают семьдесят процентов диверсионных планов, задолго до их реализации. Но ведь почти треть дел удаётся! Так пусть сегодня небо будет благосклонно.

Тьфу ты... небо! Всего неделю здесь, а уже привык к вражьей пропаганде и образу мышления. Пусть Бог будет благосклонен! Пусть всё получится, а потом... назад, домой. Так же, как приехал: экспрессом на юг, через Трансальпийский тоннель до «грязных» казахских степей, затем на машину и в Астану. Там гаммасчетчики звенят и воют, но зато и «бинов» мало. А дальше на самолете в приграничье, с промежуточной посадкой в Тегеране – столице Ирано-Афганской провинции КНР. А во Франкфурте, на границе Европейской Аравии и Поднебесной народной республики, нетрудно будет затеряться среди множества рабочих-мигрантов и путешественников. Пару дней переждать и можно спокойно пробираться в город-герой Белград. Анклав, форпост и символ стратегических интересов Москвы. Там уже спокойно, там свои. Братья сербы организуют отдельное купе в монорельсовой «стреле», и ту-ту – до родной границы без остановок. Шесть часов неприкосновенного транзита по территории все той же Поднебесной, и ты уже в прикордонном Смоленске. Или на самолет братишки посадят. Тогда вообще сразу домой.

Можно, конечно, махнуть в Челябинск, а оттуда машиной в Екатеринбург, но этот маршрут давно засвечен. Там каждый день кого-нибудь ловят. То на пограничном переходе, то еще на подступах.

Жаль, севером уйти не получится, пока рано. Навигация еще не началась, в Салехарде лютуют морозы: до минус пятнадцати доходит. Так что, если возникнут сложности с алтайским и уральским маршрутами, останется последний – кавказский. Самый трудный, но зато самый надежный. «Стрелой» через Курган в Астрахань, оттуда на машине в Грозный. Там «бинов» еще меньше, чем на радиоактивных территориях, неуютно им среди тех гор. Ну, а дальше допотопной «железкой» через Ставрополь в Волгоград. Теоретически из Астрахани можно и по Волге доплыть, но на реке зверствуют пограничники. В прошлом месяце баржу с беженцами взорвали, неделю назад поголовную проверку устроили. Восемь подпольщиков арестовали.

Иван поежился и стряхнул с рукава капли талой воды. До полицейских оставалось десять метров, не больше. Как Иван ни храбрился, а ноги стали ватными.

«А вообще, о чем я думаю?! – подстегнул себя Иван. – Трус! Варианты возвращения прокрутить решил! Сначала надо в «удачливую треть» попасть – задание выполнить, а уж после этого пути отхода нащупывать!»

Взгляд левого хунвейбина на секунду задержался на лице Ивана и скользнул дальше. А должен был просто скользнуть. Без задержек. Внутри у Ивана похолодело.

«Неужели вычислил?! Почему же не остановил? Оружия у меня нет, это ясно, да и не стал бы я сопротивляться, метро ведь, тут повсюду посты ППС. Что же произошло? Подавать сигнал сопровождению или нет?»

Широкий эскалатор спустил Ивана на первый уровень подземелья, прямо к рядам лотков с цветами, кондитерским лавкам и терминалам бульварной прессы. Иван купил у киоскера самый дешевый планшет, и открыл первую попавшуюся ссылку на пошлую газетенку.

– Два юаня, – вежливо улыбаясь, сообщил продавец.

Он был белым, но носил азиатский разрез глаз. Видимо, чтобы угодить начальству. В другое время Иван обязательно отпустил бы по этому поводу язвительное замечание, но сейчас ему стало не до агитации. Наверху что-то происходило. Ничего конкретного он не видел, но определил это по всплеску в звуковом фоне и озабоченным взглядам спускающихся в метро граждан.

– Уходи, – неожиданно приказал киоскер. – Быстро.
– Что? – удивился Иван.
– Вася, не раздражай, да? – послышалось справа. – Тебе сказано – иди, значит, иди. Аня, проводи джигита, я сам поторгую.

Иван оглянулся и увидел, как один из чернявых торговцев цветами раскрывает жестяную тумбу-термостат и вынимает из-под слоя голландских роз конструктивно древние, но ухоженные, словно только с завода, «калаши». Он раздал их каким-то неприметным людям, и те, деловито проверяя наличие в магазинах патронов, один за другим уехали на эскалаторе наверх.

Аня, миниатюрная блондинка с обалденно красивыми, но почему-то печальными синими глазами, дернула Ивана за рукав:

– Идем.
– Куда? Зачем?

Всех этих людей Иван не знал, и доверять им не спешил. Он снова обернулся к эскалатору и увидел одного из сопровождающих, главного помощника самого Нагана. Тот коротко кивнул и указал взглядом на девушку. Пришлось подчиниться. Аня провела Ивана по короткому переходу до неприметной дверцы и постучала в нее быстрой, но правильной морзянкой.

«Свои» – перевел Иван. Этой азбукой он владел ничуть не хуже. В Калужских подготовительных лагерях всех обучали одинаково. Это уже после начального курса судьба разбрасывала будущих диверсантов по городам и весям усохшей Родины: взрывников под Питер, снайперов на Ярославские полигоны, будущих резидентов в Архангельскую школу внешней разведки, а самых способных – в Москву, точнее в Алабино, в Академию ГРУ. И с этого момента алабинские курсанты становились настоящими призраками. Данные о них исчезали из компьютерных баз, родственникам выплачивалась компенсация, словно ребята уже погибли в бою, а друзьям и подругам рекомендовалось забыть имена избранных и никогда не здороваться с «призраками», даже если выпадет случай их встретить. Само собой, и родные, и друзья такими парнями страшно гордились. И не задумывались, каково самим парням. Каково это быть живым трупом, «киборгом», запрограммированным на убийства и диверсии?

И ладно бы все «призраки» на самом деле были бездумными киборгами, вон, как группа «Д» в армии Африканского Союза или спецотряд «Самурай» у американцев. На худой конец, неплохо было бы иметь для таких целей дивизию клонов, каковыми по убеждению Ивана и являлись хунвейбины у нынешних хозяев Евразии. И клонированные «бины», и афро-американские «терминаторы» были не слишком эмоциональны. Они не терзались размышлениями о смысле жизни и перспективности своей борьбы. А русские «призраки» – терзались. Не все и не всегда, но бывало. Потому что были не роботами и не ублюдками из пробирок, а нормальными ребятами, выросшими в киберпространстве и оранжерейных условиях высокотехнологичных интерьеров московских высоток.

Конечно, военные старой закалки, прошедшие Континентальный Передел от начала до конца, предпочли бы иметь в своем распоряжении совсем не таких солдат. Может быть, не киборгов, но все-таки и не возвращенных интернетом дохляков, да вот беда, обычные солдаты закончились еще в середине процесса «великого переселения народов». Пришлось делать выбор: ставить под знамена всех прочих или тайно закупать у африканцев новые военные технологии.

Сделать выбор оказалось проще простого, на проект «Д» или чуть более дешевый американский «Самурай» у Москвы, как всегда, не нашлось денег. Как говорили герои фильма, горячо любимого рожденными еще в прошлом веке старцами: «все уже украдено до нас». А потому дело завертелось по старинке и с огромным «допуском дефектовки».

За этим туповатым полувоенным словосочетанием крылось следующее: тяжелейшие тренировки, боевая учеба, психологические тренинги и, что уж лукавить, стимулирующие медикаменты выжимали из курсантов все соки. Кто не выдерживал – списывался в линейные части или сразу на погост. И было таких устрашающе много. Зато прошедшие полный курс обучения становились настоящими «волками» и «зубрами» диверсионного дела. Их ставили во главе отрядов и групп, снаряжали всем необходимым, на них надеялись. Им доверяли судьбу окруженной врагами страны. Если, конечно, курсанты не проваливали первые задания. Ведь подготовка подготовкой, а запас прочности у каждого человека свой.

Кто-то после Академии становился профессионалом, а кто-то миной замедленного действия. Первые выполняли работу и возвращались, вторые уходили за кордон и бесследно исчезали. Иногда просачивалась информация о том, что в реальной боевой обстановке у них сдавали нервы и они начинали палить во весь белый свет, иногда – что они сознательно нарывались на засады «бинов». Свидетелей в таких случаях, как правило, не оставалось. Они либо гибли вместе с дрогнувшими лидерами, либо пропадали за стенами лабораторных корпусов Центра генмодификации – самой страшной конторы в силовом аппарате Сибирской провинции да, пожалуй, и всей Поднебесной.

Кем суждено стать Ивану – профессионалом или «миной-невозвращенцем» – планировалось выяснить именно сегодня, пятого февраля две тысячи пятидесятого года. Сегодня наступил «день истины», день его первого задания. Пока не полностью автономного, под наблюдением Нагана, но все-таки формально самостоятельного, с занесением результатов в послужной список. Ивану разрешили действовать по обстановке и вести за собой стандартную группу: двух подрывников и снайпера. Наган и его охрана выступали в роли сопровождения. Вот такой расклад. И в нем не фигурировали ни грустная Аня, ни кавказский цветовод, ни киоскер, ни тем более десяток сереньких мужичков, так проворно вооружившихся «калашниковыми» и ушедших на верную гибель.

Иван шагнул через порог и осмотрелся. Ничего примечательного, обычный коридор. Разве что традиционные для любых стен граффити более смелого содержания, чем везде. «Австралия с нами», «Желтопузые козлы, валите домой, или завалим здесь», «Латиносы – предатели», «Африка – банановый Союз», «Ниггеры – наши черножопые братья», а ниже: «Один хрен – трусы!» Карикатура на хунвейбина, а на противоположной стене странный узкоглазый человек с двумя лицами – одно на толстой заднице. Триколор от пола до потолка и десяти метров в длину, а следом надпись на красном фоне черными буквами в человеческий рост: «Сибирь – это Россия». Пожалуй, это было единственное высказывание, за которое грозил срок. Все остальное – мелкое хулиганство. Даже портрет нынешнего председателя Мао Чжана в стиле бессмертных Кукрыниксов: с цитатником знаменитого тезки в руке, значком на лацкане и штыком от австралийской «М-21» в ягодице.

Аня обернулась и недовольно шикнула.

– Иду, иду, – Иван догнал проводницу. – А куда мы направляемся?

– К Отто, – неохотно ответила девушка.

Иван постарался не выказать удивления, но это ему не удалось. Аня снисходительно усмехнулась и снова пошла вперед. Иван же еще пару секунд стоял, размышляя над коррективами в плане. Если это ловушка, то он уже в нее попал, дергаться бессмысленно. Если он просто чего-то не знал и знаменитый резидент Отто должен это ему сообщить, тем более не имело смысла сопротивляться.

«А фигурка у нее ничего, и грудь очень даже... хоть и мелкая птаха, – сползли его мысли с боевого татами на койку. – Ладно, идем. Хоть на живого Отто Валенштайна погляжу».

В конце коридора обнаружился лифт. Обычная кабина с десятком кнопок на внутренней панели. Аня уверенно набрала комбинацию цифр, и никелированная коробка взмыла вверх. Несоответствие налицо. Замечать мелочи Ивана обучил сам полковник Ага, бывший «суперагент» и руководитель резидентуры СВР в Турции. Внутренняя отделка и панель в лифте были обычные, а несся он, как скоростной. Первый признак шпионского логова. Вернее – второй. Первый – это факт того, что лифт ходит не с первого этажа, а из подвала. Две детали, два шага к провалу. Впрочем, если без набора нужной цифровой комбинации скоростные качества кабины не проявляются, ошибкой эти детали считать нельзя.

За размышлениями Иван не заметил, как очутился в помещении с невысоким потолком, но почти без перегородок. Вместо них потолок поддерживали столбы. А еще, примерно на тысячу квадратов, было всего двенадцать... нет, шестнадцать окон. Да и то не окон, а каких-то бойниц или... вентиляционных отдушин.

«Чердак, – решил про себя Иван. – Десятиэтажный кирпичный дом постройки начала века. В отличие от советских «панелек», имеет нормальный чердак. Значит, лифт не только спускается глубже, чем следует, но и неприлично высоко взлетает».

Аня снова тронула его за рукав и провела к южной стене. Там на раскладных столиках было разложено оружие и стояли компьютеры военного образца, а также походный кухонный набор и дорогой косметический репликатор. Неподалеку громоздилась аккуратная стопка сложенных шезлонгов.

А у окна-бойницы стоял Отто. Такой загадочный и немного грустный. Великий актер. Звезда мирового масштаба. В центр Сибирской провинции его занесло ураганным ветром большого шоу-бизнеса. Он работал над ролью в новом американском блокбастере, действие которого разворачивалось на лоне дикой северокитайской природы.

– Прекрасный вид, – Валенштайн обернулся и одарил Ивана слабой улыбкой.

Он выглядел совсем не таким энергичным и свежим, как в трехмерном кино. Даже наоборот. Сейчас было хорошо видно, что ему далеко за пятьдесят и жизнь звезды для него – тяжелое бремя.

– Для меня честь... – пробормотал Иван.

– Любезности и автографы позже, – Отто вяло махнул рукой. – ЦГМ вас просчитал, поэтому состав группы и план меняются. Придется сменить и лицо.

Иван невольно коснулся подбородка. Корректировать внешность ему приходилось не раз, но это было на тренировках. Сейчас Ивану почему-то стало страшновато. А что, если придется уходить сразу после задания? Прямо с места выполнения и длинным маршрутом? Неисправленные в течение суток изменения могли остаться навсегда. В штабе, конечно, хранились файлы исходной внешности каждого «призрака», но случалось всякое. У Центра генмодификации тоже имелась

разведка, и ее агенты частенько портили жизнь не только рядовым россиянам, но и отечественным спецслужбам. Особенно успешно они действовали в отношении электронных баз данных. Около года назад «бины» умудрились уничтожить половину именно медицинских файлов военной разведки. Где гарантия, что такое не повторится сейчас, пока Иван ходит с чужим лицом? Хотя какая разница, как ты выглядишь, если ты призрак? Иван покосился на Аню. А возможно, новая внешность сыграет положительную роль. Пока что этой малышке он явно не нравился. Она не спускала влюбленных глаз с Отто.

– Я готов, – решительно заявил Иван.

– Садись, – Валенштайн указал на стопку шезлонгов. – Макет в компьютере, маску наложит Аня. Когда впитается и зафиксируется, переоденешься в это.

Он указал на дорожную сумку под столом.

– Хорошо, – Иван разложил стульчик и уселся перед косметическим репликатором.

– Документы в кармане куртки. Там же ключи от машины. Синий «Юньлунг» выпуска сорок восьмого года, номер 7997, стоит во дворе. Маршрут в бортовом компьютере. Оружие, снаряжение и ампула под сиденьем. После выполнения миссии бросишь его, тебя подберет зеленое такси с рекламой чипсов «Ли Хун», бортовой номер 1221. Если возникнут сложности, уходи через двор и территорию Императорской оперы. На углу Мичурина и Сюцюаня тебя будет ждать еще одно такси, такое же, только с номером 2112.

– Тоже палиндром, – пробормотал Иван.

– Что? – не понял Отто.

– Нет, ничего, – Иван смутился. – Просто я...

– Веришь в приметы? – Валенштайн усмехнулся. – Это невредно. Только не увлекайся.

– Нет, не верю. Я хотел сказать о другом. Лучше воспользоваться машинами с менее запоминающимися номерами. Или хотя бы не читаемыми справа налево так же, как слева направо. Перевертень становится нашим фирменным знаком. Не думаю, что аналитики ЦГМ игнорируют этот факт.

– Ты боишься? – Отто взглянул на парня исподлобья.

– Ага учил нас обращать внимание на любые мелочи, – твердо ответил Иван. – Даже рискуя заслужить репутацию полного зануды.

– А ты молодец! – Валенштайн рассмеялся и хлопнул молодого товарища по плечу. – Говоришь, как по писаному. Осторожность и точный расчет – ключ к успеху.

Иван мельком взглянул на Аню. Несмотря на глубокие теоретические познания, пока его рейтинг был явно ниже, чем у неотразимого Отто. Ну, ничего. Недолго осталось до подтверждения знаний на практике, а уж тогда... затрепещут все красавицы мира.

– А я об этом не думала, – неожиданно сказала Аня. – А ведь действительно. И дата сегодня... перевернутая. Это тоже специально? Для показухи?

– В этом мире все взаимосвязано, – войдя в неопределенный, но явно романтический образ, ответил Валенштайн. – Просто мы не в состоянии осознать масштабы событийных хитросплетений, а потому нам кажется, что все вокруг бессмысленно и случайно. На этом можно играть. Оккупанты так и делают. Они внушают нашим соотечественникам, что на все воля случая и защиты от него нет. Но

можно играть и на обратном. На предопределенности событий. Стоит лишь создать систему. Перевертень ассоциируется с чем-то скрытым, тайным, загадочным. Что произойдет в день палиндрома? А нет ли в этом знака свыше? Не закладывают ли события такого особенного «перевернутого дня» основу для чего-то лучшего, для новой жизни?

– Но почему именно такой антураж? – удивилась Аня. – Почему не приурочить события к чему-то более традиционному?

– К чему? – Отто указал на ванночку с маской: – Предварительная активация закончена, можно наносить. К Новому году или Пасхе? Это будет слишком прямолинейно. К юбилеям вражеских вождей? Классический путь терроризма, а такой вариант борьбы народные массы традиционно не любят. Людям нужна загадка. И чем она непонятнее, тем крепче вера и надежда.

– Несколько слов и два-три дня в каждом десятилетии, не маловато для веры? – усомнился Иван.

– Вот увидите, освобождение начнется именно в такой день, – заверил его Валенштайн.

– Возможно, – согласился Иван. – Только не потому, что число этого дня будет читаться одинаково слева направо и наоборот. И не потому, что все лидеры освобожденного народа будут называть друг друга секретными кличками-палиндромами, такими, как Наган, Шалаш и Кабак. Все это дешевая бутафория. Реальная причина будет заключаться в другом.

– В чем же? – Отто нахмурился.

Было видно, что идея с «обоюдоострыми» кличками, номерами машин и датой операции нравилась ему своей оригинальностью и элементом романтики. Что подделать, творческая личность! А может, этот «фирменный знак» и вовсе его собственное изобретение? Иван допускал и такое. Если это правда, то великий разведчик Отто Валенштайн терял в глазах юного коллеги сразу десятков очков. Идея была явно слабой и, Аня права, показушной.

– Для освобождения созреют условия: демографические, социальные, экономические...

– Ого, да вы, юноша, стратег!

– Нет, пока я просто офицер военной разведки Иван Казаков.

– Поверьте, Иван, – Валенштайн грустно улыбнулся. – Я разбираюсь в людях.

Придет день, и вы станете одним из тех самых «лидеров освобожденных народов Сибири».

– Я даже знаю, какая у него будет кличка, – Аня приложила маску к лицу Ивана. – Не жжет?

– Я тоже знаю, – сказал Отто. – Удачи вам, Иван Казаков.

Ответить Иван не смог – мешала маска, стянувшая кожу и парализовавшая мимическую мускулатуру. Когда состав впитался, а репликатор «слепил» придуманное компьютером лицо, наступила фаза фиксации и онемение начало проходить. Иван первым делом открыл глаза и повел взглядом по сторонам.

Валенштайна на чердаке уже не было. Не было рядом и Анны.

Казаков открыл сумку и покопался в вещах. Размеры вещей и обуви были подходящими, но покрой и цветовая гамма – слишком уж «верноподданными». Так одевались только «бины» и выслужившиеся перед ними предатели.

Косметический репликатор отключился, ожила телекамера, и на экране компьютера появилось новое лицо Ивана. Он стал брюнетом с прямым носом, смуглой кожей, чуть выпирающими скулами и квадратным, «волевым» подбородком. Брови и ресницы тоже стали темнее, чуть изменился и разрез глаз, но они сохранили первоначальный синий цвет.

Мачо. Не иначе. Как раз латиносов здесь, посреди Сибири, и не хватало. Иван усмехнулся. Хорошо, что Родина не потребовала стать африканцем. Ведь в этом случае пришлось бы обмазаться косметическим составом с головы до пят.

2. ПОЛДЕНЬ 05.02.2050

Упомянутое Валенштайном изменение состава группы заключалось в том, что Иван из командира превратился в единственного ее участника. В общем-то, он не расстроился. Зачем нужны подрывники и снайперы, если надо всего-то спуститься из окна соседней высотки по тросу на крышу штаба Сибирского военного округа и засунуть между лопастями воздухозаборника вентиляционной системы ампулу с токсином?

Иван снял карабин с троса и осмотрелся. Крыша была пуста. Только слабый южный ветерок перекачивал пару промерзших окурков. Скорее небо упадет на землю, чем китайцы перестанут курить. Никакого понятия о здоровом образе жизни.

Казаков поднял один желтый цилиндрик и помял его в пальцах. Бросили его здесь не так давно. Либо когда убирали талый снег, либо когда печатавали люки. Разведчик прошел до ближайшей двери. Всё совпало. Украшенная иероглифами липкая лента крест-накрест закрывала замочную скважину. То же самое было проделано и с тремя другими лазами. Без контрольной ленты оставался лишь один. Видимо, его печатали изнутри. Тем лучше. Теперь Иван точно знал, откуда можно ожидать неприятностей.

Он пробрался к нужному воздухозаборнику и быстро отвинтил наружную сетку. Лопастей здорового вентилятора не крутились. Пока не началось совещание, система вентиляции не использовалась. Иван чиркнул пальцем по комп-наклейке на запястье и в сотый раз сверился с повисшим в воздухе миниатюрным объемным планом здания. Да, все верно. В конференц-зал вела отдельная труба воздуховода. И главным источником подачи являлся именно этот вентилятор. Проще простого. Казаков взглянул на часы. Генералы – народ дисциплинированный, наверняка начнут вовремя, а значит, в запасе осталось всего десять минут.

Иван сунул стеклянную капсулу между лопастями и стенкой воздухозаборника, вставил на прежнее место решетку и завинтил болты. Дело сделано. Как только заработает вентилятор, капсула рассыплется в мельчайшую пыль, и токсин распространится по конференц-залу. Действует он мгновенно и стопроцентно. Но это не единственное его достоинство. Через десять минут после начала газовой атаки в воздухе не останется и следов этого яда. Во всяком случае, никаким прибором химразведки их не уловить. Армия Поднебесной недосчитается двух десятков генералов и столько же чинов поменьше, так и не узнав, что стало причиной смерти. Вскрытие, конечно, покажет, но будет поздно. Иван к тому времени уже пересечет границу.

Казаков аккуратно отцепил «кошку», закрепленную на конце троса, от парашюта плоской крыши и провел по нему ладонью. Следов почти не осталось. Вот уж поломают свои клонированные головы «бины», размышляя, как диверсанты

попали на крышу. Иван нажал кнопку передатчика, и наверху заработала система автоматической намотки троса.

Спустя четверть минуты Казаков перевалился через подоконник на шестнадцатом этаже высотки и бесшумно закрыл за собой окно. Первый этап операции прошел успешно. До начала совещания оставалось целых семь минут.

Знай наших! Среди бела дня один диверсант уничтожил сразу двадцать, а то и больше высших военных чинов врага! И никаких следов. Это класс!

Иван почувствовал прилив гордости и тут же внутренне себя одернул. Праздновать победу было рано. Он все еще находился в тылу врага. Впрочем, основная фаза отхода завершилась, и разведчик был уверен, что его никто не видел. Тончайший трос на высоте шестнадцати этажей с земли незаметен, а сам диверсант был облачен в специальный костюм, ткань которого преломляла свет, делая человека практически невидимкой.

Казаков стянул светопреломляющий комбинезон, надел куртку, поправил прическу и взял в руку портфельчик, полный тонких рекламных планшетов и дорожных бумажных буклетов. Теперь он выглядел, как типичный сотрудник одной из множества коммерческих фирм, обосновавшихся в смежной со зданием штаба высотке. Заподозрить, что этот юноша только что совершил рейд из окна своего офиса на крышу серой девятиэтажки, мог лишь очень опытный хунвейбин. А в здании торгового центра такие не водились.

Шесть минут...

Иван бодро вышел из кабинета, запер дверь и неторопливо направился к лифту. Войдя в кабину, он вынул из кармана автомобильный брелок и нажал кнопку дистанционного запуска двигателя своего «Юнълунга». Брелок тут же трансформировался в улыбающегося узкоглазого уродца: стилизованный автомобильчик с человеческим лицом. На условной крыше машинки появился иероглиф, который означал, что команда выполнена и ожидающая у подъезда машина завелась, подогрела сиденье, освежила воздух в салоне и включила музыку.

Охрана у входа была спокойна. Иван смешался с толпой служащих и беспрепятственно покинул здание. Ему хотелось петь. Так ловко выполнить первое задание и так элегантно уйти удавалось не каждому.

Он уселся в машину и бросил взгляд на часы. Минус три минуты. Можно не спешить. Даже нужно не спешить. Чтобы не привлекать внимание. Все должно выглядеть натурально. Деловой человек, не привыкший тратить попусту время, сел в заранее прогретый экипаж – достаточно престижный и надежный – и быстро, но без излишней суетливости отъехал. Картина более чем ординарная, а потому абсолютно незапоминающаяся. И на записях охранных камер, которые позже наверняка просмотрят следователи, ни Казакова, ни его машину нельзя будет выделить из общей массы отъезжающих-подъезжающих коммерсантов. Скорее подозрение ляжет вон на того очумелого толстяка, который вылетел из вестибюля следом за Иваном и умчался на красном «Шевроле» словно на пожар.

Проспект, правый поворот. Как всегда, пробка? Нет, более-менее нормально, проехать можно. Левый поворот, и вот он, перекресток улиц Мичурина и Сюцюаня, бывшей улицы Орджоникидзе. А вон и такси с рекламой чипсов. Все верно, все по плану, и это чертовски здорово!

Иван поставил машину на парковку рядом с Императорским театром и пересел в такси.

– Вы должны были бросить авто у штаба, – пробурчал «таксист».

– Да? – Иван взглянул на советчика чуть устало и снисходительно, как в его понимании должен был сделать матерый разведчик, только что успешно завершивший операцию. – Кому я должен?

– Отто, – спокойно ответил водитель, бросив короткий взгляд в зеркало. – Менять планы следует исключительно при крайней необходимости, а не по прихоти.

– Да все нормально, расслабься, – Иван похлопал его по плечу. – Я чисто ушел, без помарок.

– Время – плюс шесть минут, – шофер указал на часы. – Пока вы маневрировали в пробке на Красном проспекте, дворами можно было доехать до запасной базы. Теперь, если «бины» уже объявили по городу план «Молния», мы далеко не уедем.

– Хватит гундеть, – настроение Ивана пошло вниз. – Просто вывези меня куда-нибудь и вали на все четыре стороны.

– Ты не обижайся, парень, – водитель миролюбиво улыбнулся. – Дело-то общее.

Казаков нехотя кивнул. В принципе, шофер был прав. Только высказывал свои претензии он как наставник нерадивому ученику. А между тем, выпускником столичной школы разведки, теперь уже можно считать дипломированным «призраком», был Иван, а не этот провинциал-нелегал! Иван угрюмо уставился в окно. Учить вздумал! Инструктор-водитель!

Такси остановилось в квартале от дома, на чердаке которого была оборудована «аппаратная».

– Ближе нельзя, – пояснил шофер. – У жильцов вопросы могут возникнуть. Уезжал на личной машине, вернулся на «тачке».

– Понимаю, – буркнул Иван. – Спасибо.

– Будь здоров.

Такси быстро скрылось за поворотом. Казаков незаметно оглянулся по сторонам и пошагал к подъезду старого дома. Сменить одежду, «выправить лицо» и на вокзал. «Стрелы» на юг по трансалтайскому тоннелю уходили каждые два часа. Даже если «бины» сориентируются и начнут его разыскивать, на вокзале им Ивана уже не достать. Там у него будет другая внешность и документы – лучше настоящих.

Лифт раскрыл никелированные дверцы на не означенном в инструкции этаже, и Казаков уверенно направился к стоящему отдельно от прочих компьютеров репликатору.

– ...Перестрелка на станции метро «Проспект Ху Яобана»... – внезапно ожил один из сетевых каналов. – До десяти экстремистов открыли огонь из автоматов по патрулю полицейской спецгруппы. Один из нападавших был уничтожен ответным огнем, остальным удалось скрыться. И вот только что поступило экстренное сообщение: совершено дерзкое нападение на штаб местной группы войск. Ампула с токсином была заложена в вентиляцию. Среди погибших: два десятка высоких военных чинов – там проходило совещание командующих всеми гарнизонами Сибири и Востока. Первый комментарий в связи с происшествием поступил от начальника ЦГМ генерала Сина, он настаивает на предоставлении хунвейбинам более широких полномочий...

– Удачный рейд, поздравляю, – из-за ближайшей колонны появился Отто.

– Спасибо, – Иван довольно улыбнулся.

– Среди генералов был Линьбао, – сообщил Валенштайн. – Начальник штаба всей Восточной группировки и фаворит самого Председателя. Ты не просто стал полноправным «призраком», но и сразу прыгнул в герои.

– Да я... просто выполнил задание, – Иван смутился.

– Ну-ну, не скромничай, – Отто дружески его приобнял.

Хватка у актера оказалась стальной. Казаков даже немного растерялся. Что за необходимость была так крепко обниматься? Или Валенштайн тоже внутренне ликовал и не знал, как выразить грандиозность своих чувств?

Неожиданно за спиной у Ивана что-то щелкнуло, и, только услышав щелчок, он сообразил, что руки скованы сзади, перед глазами плывут какие-то темные круги и мелькают многочисленные «мушки», а по телу разливается непреодолимая слабость.

– Отто... что это... значит?

– Сам поймешь, – пообещал Валенштайн, подталкивая его к лифту. – Позже. Ну, чего стоите?! Забирайте.

Последние слова он адресовал четверым вооруженным хунвейбинам.

***

Можно умереть и попасть в рай. Можно тем же путем отправиться в ад. Второй вариант похуже, но, когда ты умер, тебе, по большому счету, все равно. А можно заживо попасть в Центр генетической модификации при правительстве Сибирской провинции. Учреждение закрытое, загадочное и страшное. О Центре не было никаких достоверных сведений. Только домыслы. Кто-то считал, что там выращивают клонов-хунвейбинов и этих клонов вскармливают плотью несчастных, которых упрятали за высокие стены Центра. Еще поговаривали, что никакой это не Центр, а главная разведбаза всей Поднебесной с мощным техническим парком и тренировочными площадками для «бинов». Как бы там ни было, Центр оставался крупнейшей загадкой даже для жителей города Новосианя, бывшего Новосибирска, что уж говорить о разведках соседних стран.

За все время, пока Ивана везли в Центр, он не услышал от своих конвоиров ни единого слова. Его и в камеру втокнули молча, не пообещав ни вызвать на допрос, ни предоставить адвоката, ни даже закопать живьем как последнюю гадину или что-нибудь в этом роде. Казакова будто бы упаковали в полиэтиленовый мешочек и положили на полочку. Как вещественное доказательство. До лучших времен.

Камера оказалась крошечной, но с достаточно большим окном. Вид из него был не самым вдохновляющим – глухой серый двор, но все-таки не стена, как на гауптвахте в Калуге. Иван горько усмехнулся. «Губа», на которую он однажды попал за глупую драку, даже со своим мрачным видом из зарешеченного окна теперь казалась номером в пятизвездочном франкфуртском отеле «Джафар Хайнц». Здесь, в ЦГМ, на окнах с толстыми бронестеклами не было решеток, и выходили они во двор, по которому сновали люди – вроде бы не такой уж унылый вид, но чувство отчаяния и горечь поражения сводили все плюсы на нет.

Успех – и тут же провал. Ликование и опустошенность. Вера и глубочайшее разочарование. Да, успеха операции не затмит никакой арест. Иван свою миссию выполнил на все сто. Но как Отто мог стать предателем?! Человек, которого боготворила не только публика, но и все русские разведчики. Самый проверенный, успешный, универсальный агент ГРУ! Это не укладывалось в голове и занимало

мысли Казакова даже больше, чем невеселая личная перспектива. За такую диверсию в живых его точно не оставят, это было понятно, но Ивана смерть не страшила. Он не смог бы внятно объяснить – почему, но это была чистая правда. Какой смысл бравировать перед самим собой?

Угнетала Казакова именно обида на предателя, а не страх смерти. Иван не был абсолютно бесстрашным человеком, иногда он пасовал, иногда отчаянно трусил, но сейчас он ничего не боялся.

«И все остальные эмоции надо по боку пустить, - подумалось Ивану. – Пустое всё теперь. Глупости».

Он сунул руки в карманы и подошел к окну. В общем-то, вид был и впрямь не так уж плох. Идеально ровный асфальт серого двора покрывала непонятная белая разметка, наверное, для построений. Мышиные стены высокого забора и здание напротив увешаны лампами; ночью тут явно не темнее, чем днем. Выкрашенные корабельной «шаровой» краской железные ворота отлично гармонировали и с архитектурой и с мутным февральским небом.

«Удивительно полный набор оттенков серого. Просто замечательный. Так что, выше нос! Хм... Что это, предсмертный оптимизм?»

Иван усмехнулся, хотя ничего забавного в ситуации не находил, и на секунду ему даже стало себя жаль. Правда, лишь на секунду. Возможно, в глубине сознания сработала некая защитная реакция, и настроение вернулось в боевое русло. А может, он был так спокоен потому, что покидал этот мир победителем? Кто знает?

Казаков краем глаза уловил яркое пятно, вносящее в строгую тюремную серость явную дисгармонию. Иван приблизился к стеклу и посмотрел вниз.

К стоящему у ворот лимузину неторопливо шли трое. Один в синей униформе хунвейбинов, но с расшитыми золотом генеральскими погонами, а двое в обычной городской одежде: в куртках – оранжевой и красной – и кепках. Генерал явно никуда не собирался; он был без головного убора и в одном кителе. Он, похоже, провожал своих гостей до ворот. Кто был этот «бин»? Вряд ли в ЦГМ много генералов. Да, скорее всего, вообще один.

Иван удивленно покачал головой. Наверное, очень важные были гости, если их провожал сам начальник Центра генетической модификации. Троица шла неторопливо, поддерживая какую-то спокойную и, видимо, приятную беседу.

Казакова это немного насторожило. Трое неизвестных, один из них генерал, спокойно гуляют, никуда не спешат, словно в городе ничего не случилось, и треплются о погоде. Что-то тут было не так.

Иван присмотрелся к гостям повнимательнее. Человек в оранжевой куртке чуть приподнял голову, и Казаков увидел его профиль. Точеные черты, гордая посадка головы и шикарная улыбка. Без сомнений, это был Отто. Величайший актер и предатель современности. Теперь это стало очевидно. Резидент ГРУ Отто Валенштайн и начальник ЦГМ генерал Хуан Син беседовали, словно давние друзья.

Иван почувствовал, что снова закипает, сжал кулаки и треснул по стеклу. Оно даже не дрогнуло. Предательство – худшее из зол! Горло сдавил спазм гнева и отчаяния от собственного бессилия. Он мог бы убить Отто голыми руками, несмотря на всю статью и железную хватку актера. Казаков умел это делать. В школе разведки его учили всему, и он был прилежным курсантом. Да, Иван смог бы запросто убить своего недавнего кумира, но теперь этому мешали толстые стены.

«Эх, если бы догадаться раньше, еще там, на чердаке!»

Казаков вновь треснул по стеклу, и трое беседующих внизу людей его будто бы слышали. Они разом подняли головы и взглянули прямо на Ивана.

Взгляд Отто не выражал абсолютно ничего. Он посмотрел сквозь Казакова и обернулся к подрулившей машине. Генерал Син тоже не стал разглядывать Ивана. Заметив, что Отто собирается сесть в лимузин, он начал прощаться с гостем. Задержал взгляд лишь третий из них: человек в красной куртке и черной кепке.

Он смотрел на Ивана, а Казаков смотрел на него, не мигая и стоя абсолютно неподвижно. Что так пристально изучал этот клон, для Ивана было загадкой. Реакцию разведчика на живое доказательство полного провала? Теперь-то Казаков мог не сомневаться: уничтожение местной верхушки оккупационных войск руками русских диверсантов было задумано далеко не Москвой. Что-то подгнило в самой Поднебесной. Но игра, затеянная кем-то из «ханей», как сами называли себя захватчики, усилиями предателя Валенштайна завертела и «наших», и «ваших». И была эта игра еще в самом начале. Иван едва удержался, чтобы не отвести взгляд или не сделать какое-нибудь умаляющее достоинство движение. Это стоило ему даже больших трудов, чем выполнение задания. Ведь этот клон внизу... этот нелюдь в красной куртке... он... был как две капли воды похож на Ивана Казакова в его истинном облике!

Куда направится этот «Казаков» и как его встретят соратники Ивана настоящего, угадать было нетрудно. И каких бед может натворить эта копия разведчика Казакова, тоже понятно. В сравнении с ними уничтожение двадцати тыловых генералов могло показаться детским лепетом.

Так что это был именно полный провал. Даже если «бины» не казнят Ивана, он навсегда останется узником ЦГМ в маске «мачо» и с тяжелым булыжником на сердце. А если того, фальшивого «Ивана» разоблачат, то настоящему Казакову автоматически достанется еще и позорное клеймо предателя. Он окажется в одной упряжке с Отто. Хотя Валенштайна-то вряд ли выведут на чистую воду. Вон какой он хитрющий.

Казаков отошел от окна и уселся на жесткую койку. Взорванные эмоциями мысли роились, как дикие пчелы. Стройных умозаключений из такого материала не получалось, но главное Иван понимал отчетливо. Он понял, что попал в глубокую... западню, и выбраться из нее ему поможет только чудо.

3. ВЕЧЕР 05.02.2050

Аня постучала в дверь короткой морзянкой. Точка, тире, снова тире, точка, и еще точка, тире, точка, тире. Если перевести на нормальный язык, получалось как раз «Аня».

– Вах, красавица, зачем колошматишь? – дверь открыл Гога. – Мы тэбя еще за три квартала отсняли.

– Что вы сделали? – Аня дружески ткнула его кулачком в живот.

– Отследили, – исправился Гога. – Ну, в общем, ты попала в фокус наружных телекамер.

– То-то, – Аня заглянула через его плечо в комнату. – Здесь?

– Всэ здэс! – Гога снова перешел на свой дурацкий акцент. На самом деле родился и вырос он в Сибири, и кавказские корни выдавала лишь его внешность. А говорить он умел и без акцента.

Аня прошла в набитую народом комнату и с трудом протолкнулась к Отто и Ивану. Оба сидели за столом и потягивали контрабандный дагестанский коньяк. Восторженные поклонники бурно обсуждали удачную операцию и ловили каждое слово героев.

– Привет, – Аня присела на край стола. – Уже снял маску?

– Да, еще на первой явке, – Иван потер щеку. – Чешется теперь.

– Пройдет, – девушка улыбнулась. – Не знаю, как ты выглядел после репликации, мне пришлось уйти до стадии формирования, но думаю, что так тебе лучше.

– Напрасно, – рассмеялся Отто. – Он был настоящим красавцем, просто бери и снимай в кино. Хоть ты и покинула его под занавес, но маску наложила отлично. За твой вклад в успех!

Он отсалютовал Ане бокалом. Товарищи-подпольщики тут же включили хрупкую соратницу в ореол обожания. Она работала в команде самого Валенштайна! Да не просто работала, а заслужила его похвалу!

Получив свою долю славы, Анна отошла к стене, уступая место другим желающим поприветствовать знаменитого разведчика и его талантливую ученицу. Как все это безобразие выглядело с точки зрения конспирации, было известно, наверное, лишь самому Валенштайну. Аня всегда думала, что такие операции должны завершаться скромным рукопожатием начальника разведуправления и туманной формулировкой в наградном листе, а получалось какое-то шоу. Пресс-конференция с героями секретной войны, да еще на оккупированной территории. А если утечка? Если среди подпольщиков затесался провокатор? Не дай бог, конечно, но все-таки. Если «бины» накроют всю ячейку и двух диверсантов из Москвы, грандиозный успех операции вмиг обернется таким же громким поражением.

Аня невольно задумалась над странным поведением Отто, и мысли ее потекли дальше. Быть может, Валенштайн устроил этот подпольный праздник намеренно, чтобы показать агентам «бинов», если таковые затесались среди подпольщиков, свою крутизну? Глупо, конечно, но если вспомнить, какое сегодня число и эти показушные палиндromы в номерах машин и кличках, то все более-менее объяснимо. И все-таки непонятно. Вряд ли о причастности Отто к секретной войне догадываются «бины». Иначе его давно выслали бы на родину, в Штаты. Зачем же он рискует? Что и кому пытается доказать? Может быть, он прочит Ивана на свое место и заранее готовит почву, показывая, что этот молодой разведчик со временем превзойдет знаменитого учителя по всем статьям? В таком случае, все рассчитано верно. Народная молва мгновенно разнесет весть о восходящей звезде, и уже через год имя Казакова станет в один ряд с именем Отто, а чуть позже и вытеснит Валенштайна с пьедестала. С почетом и уважением, но вытеснит. Что ж, вариант. Только все равно какой-то неказистый.

Аня никак не могла ясно выразить свои чувства, даже мысленно, беседуя сама с собой, поэтому внутренний дискомфорт от увиденного не проходил. Что-то тут было не так. То ли сидел Отто не как обычно, то ли в Иване обнаружился некий «изъян». Интуитивно Аня ощущала подвох, но в чем он заключается конкретно, не могла сказать даже себе.

Валенштайн был расслаблен и остроумен, впрочем, как всегда. Сидел не так? Это легко объяснимо: ему приходилось беседовать с людьми, которые стояли вокруг плотным кольцом.

Иван... что такого было в нем? Поведение нормальное. Горд собой, хотя и по-прежнему немного размахист в движениях и чересчур громко смеется. Так делают все новички, чтобы скрыть неуверенность. Что еще? Лицо... после снятия маски гладкое, словно у ребенка. Глаза блестят, но в меру. Взгляд немного плавает, но причина та же: слишком много вокруг народа.

Аню вдруг осенило. Взгляд! Вот в чем была загвоздка! Если утром Иван не спускал взгляда с ее груди и ног, пытался любыми способами произвести на Аню впечатление и вообще вел себя, как павлин в брачный период, то теперь он не смотрел на девушку вообще. Даже краем глаза. А ведь новый статус позволял ему рассчитывать на совершенно иное, нежели утром, отношение миниатюрной, но гордой красавицы. Он мог, конечно, играть в старинную забаву: «оцени, кого продинамила!», но обязательным условием такой игры являлось скрытое наблюдение за испытуемой. Боковым зрением, взглядами исподтишка, через отражения в предметах обстановки с зеркальной или хотя бы стеклянной поверхностью он был просто обязан следить за Аней. Но ничего подобного не происходило. Иван скользил взглядом по лицам подпольщиков и ни разу не задержался на лице Анны.

И это было очень странно.

– Дамы и господа, – Отто поднялся и поставил пустой бокал. – Нам пора! Еще до вокзала надо добраться, а время поджидает. Анна!

– Здесь, – Аня отлепилась от стеночки. – Я готова, идемте. Гога, прикрой.

Она терпеливо дождалась, когда Иван и Отто распрощаются со всеми товарищами, и повела разведчиков узкими темными двориками к вокзалу. Примерно на полпути Валенштайн вдруг замер и прислушался к едва различимому бормотанию древнего уличного терминала. До тридцатиметрового экрана было два квартала, но в тишине подступившей ночи звуки были слышны почти сносно.

– Что-то о рейде, – сказал Отто. – Задержано отправление всех монорельсовых поездов. Нехорошо. Надо разделиться. Аня, веди Ивана по запасному пути, а я вернусь в гостиницу.

– Резервным маршрутом уходить еще опаснее, – девушка накинула капюшон и затянула пояс. Холодный февральский ветер пронзал насквозь. Не спасала даже добротная американская куртка. Аня представила, что творится на обледеневшей набережной Оби, и поежилась. Там-то сейчас была и вовсе аэродинамическая труба. А запасный путь проходил именно по берегу реки.

– Выбора нет, – отрезал Валенштайн. – Времени на споры – тоже.

– Хорошо, – девушка взяла Ивана под руку. – Идем.

Они свернули на старинную улочку и вышли к набережной. Прямо по курсу темнело приземистое здание бывшего речного вокзала, а левее стоял нетронутый почему-то новыми хозяевами памятник императору Александру Третьему. Еще чуть дальше влево, по другую сторону ярко освещенной многоуровневой развязки над Южной площадью, в самом начале Красного проспекта, выстроились в шеренгу длинные обтекаемые туши междугородных автобусов. Но конечная точка запасного пути находилась не на Старом автовокзале, а немного дальше – в нестройных рядах припарковавшихся у обочины частных извозчиков. Среди них постоянно дежурили

три-четыре надежных человека, которые могли в любой момент вывезти кого потребуется куда угодно. Хоть на север, хоть на Алтай, хоть сразу в «грязные степи».

Желающих прогуляться по набережной в столь поздний час и в такую дрянную погоду было немного, поэтому Аня с Иваном здесь светились, как два тревожных фонаря. По неверному льду реки слонялись дядьки в толстых комбинезонах и с рыбацкими электробурами, а от широкой проруби к каменной лестнице шли трое бодрых «моржей». Впереди и позади беглецов прогуливались еще четыре или пять парочек, уже синих, но не замечающих холода из-за горячей любви. Проверить всех этих полуночных гуляк было несложно, и спасало только одно: «бины» тоже были людьми, хоть и клонированными, и шляться по холодной набережной им не улыбалось. Все закоулки все равно не проверишь. Поэтому они делали ставку на контроль вокзалов и обследование транспорта на дорогах.

– Вон там видишь иномарку белый «Сан-Янг»? – Аня указала на стоящий прямо напротив автовокзала автомобиль. – Водителя зовут дядя Петя. Подойдешь, скажешь, что от Ани, и передашь ему вот это.

Она незаметно вложила в ладонь Ивану пластиковую карточку.

– Дядя Петя, – повторил Казаков. – Понятно.

– Он отвезет, куда скажешь.

– Хорошо, – Иван кивнул. – Спасибо тебе.

– Ну, прощай, – Аня поднялась на цыпочки и чмокнула Казакова в щеку.

Кожа у него была гладкой, словно он только что побрился, и едва уловимо пахла одеколоном. Приятным, мужественным.

Аня на секунду замешкалась. Когда он успел побриться? После снятия маски? Но почему запах одеколона такой слабый? Аня знала эту марку, ею пользовался один из ребят ее ячейки. По утрам с ним было невозможно стоять рядом – таким сильным был запах. А от Ивана почти не пахло. Может быть, это отголоски утреннего бритья? Нет, исключено. Маска должна была очистить кожу от любых запахов. Значит, либо он брился и пользовался одеколоном после ее снятия, либо... не надевал маску вообще. Но ведь Аня сама ее накладывала! Как такое возможно?

Фигура Ивана растворилась в полумраке, а затем вновь появилась, уже рядом с машиной дяди Пети. Аня лихорадочно соображала, что же предпринять, но мысли разбежались. Иван сел в машину, и она плавно тронулась с места. Аня проследила, куда направился автомобиль, и подозрения обрели дополнительный импульс. «Сан-Янг» нырнул под эстакаду и укатил по нижней дороге в сторону Димитровского моста. То есть Иван приказал водителю ехать не на юг, а на запад. Это означало, что он выбрал отход через Челябинск в Екатеринбург. Но почему? Это был самый «засвеченный» маршрут. Южный путь, через тоннель и радиоактивные территории, был в сто раз надежнее. Почему же Иван поехал напролом? Не знал о южном маршруте и особом внимании «бинов» к челябинскому участку границы?

В голове у Ани что-то будто бы щелкнуло, и факты окончательно сошлись в убедительную версию. Казаков обо всем прекрасно знал. Просто он был уверен, что перейдет границу без проблем в любом месте. А через радиоактивные степи он ехать не пожелал потому, что клоны гораздо чувствительнее обычных людей к радиации! Вот тебе и герой! А заодно – вот тебе и знаменитый Отто! Недаром он ерзал на стуле, скотина! Предатель! Двуличная гадина!

Аня вынула из кармана пакетик со стерильными салфетками и тщательно стерла с губ помаду. Это не был жест брезгливости. Она спрятала испачканную

салфетку в полиэтиленовый мешочек. Если среди частиц помады обнаружатся следы репликационного состава, то все ее подозрения – паранойя. Если нет, то вражескому шпиону «Ивану Казакову» не поздоровится. Это точно. Надо только побыстрее добраться до семидесятой явки. Там у Аарона Моисеевича, бывшего декана химфакультета НГУ, имелся отличный химический анализатор.

Аня решительно развернулась и пошла в обратную сторону.

«Сделаем анализ и, если что, сразу свяжемся с Москвой...»

Она поравнялась с прорубью – целым бассейном во льду. Моржи давно ушли, но ледяной коркой вода пока не схватилась. Было морозно, но не настолько. Аня представила, каково это – сигать голышом в темную, вязкую от холода воду – и содрогнулась. Она не любила экстремальные развлечения. Риска в жизни ей хватало и без них.

А прорубь вдруг непонятным образом приблизилась и угрожающе блеснула отраженным светом. Какая-то непреодолимая сила толкала Аню все ближе к краю парапета. Быть может, это был всего лишь порыв ветра, но противиться ему девушка не могла. Ноги скользили по ледяной корке, а рукам было не за что уцепиться. Аня испуганно вскрикнула и попыталась обернуться. В этот момент огни фонарей над набережной как-то странно отдалились, и сознание девушки померкло...

... Человек в костюме-невидимке быстро обшарил карманы оглушенной жертвы и, найдя пакетик с испачканной салфеткой, сунул его себе за пазуху. Затем он поднял девушку на руки и спустился по каменной лестнице на лед. Всплеск от брошенного в прорубь тела был негромким, и его легко заглушил естественный шумовой фон города.

Удалившись от проруби на достаточное расстояние, человек-невидимка снял маскировочный плащ, аккуратно его свернул и сунул в карман куртки. По идее, было бы лучше не снимать маскировку вплоть до возвращения в гостиницу – отличный способ прошмыгнуть мимо толпы поклонниц, круглосуточно дежурящих у входа, но Отто Валенштайну было выгодно засветиться.

Он придал лицу привычное романтическое выражение и неторопливо двинулся по улице Ленина в сторону отеля «Пекин». Завидев Отто, толпа поклонниц на миг замерла в оцепенении и онемении, а затем взорвала ночную тишину восторженными визгами.

***

– Все идет как по маслу, – Отто забросил ноги на стол и пригубил sake. – Но мне потребуется еще один экземпляр.

– Зачем? – начальник ЦГМ генерал Хуан Син поставил стаканчик с рисовой водкой.

– Если я начну описывать комбинацию в деталях, это займет всю ночь, – небрежно бросил Валенштайн. – Мне нужна женщина.

– Хм, – Син хитро улыбнулся. – Неотразимому Отто потребовалась клонированная спутница? Все натуральные поклонницы не внушают доверия? Бойтесь, что они отнимут ваши миллионы?

– А вы мои миллионы не считайте, – Отто вяло махнул рукой. – Вы тоже не бедствуете.

– Я всего лишь солдат, – генерал изобразил на лице смирение. – Моё богатство – благо страны и партии. Предупреждаю: женщина обойдется дороже. Подумайте, быть может, проще завербовать кого-то из статисток? Неужели в Голливуде мало подходящих девушек?

– Много. В одной только «Сони-Трайстар» наберется тысяч десять. Но я не могу рисковать операцией, – терпеливо ответил Валенштайн. – Вы же потом с меня и спросите за провал. Женщины взбалмошны и непредсказуемы. Если даже я найду подходящую кандидатуру, кто может гарантировать, что через год ей не надоест слоняться по всяким подворотням, и она не потребует вернуть ей внешность и привычный образ жизни?

– У вас есть точный макет?

– До последней родинки, – Отто положил на стол инфокристалл. – В моей спальне установлены отличные сканеры. Здесь полная сканограмма внешности, запись голосового диапазона и точное описание привычек, пристрастий, темперамента, образа мышления, типичных речевых оборотов и всего прочего. Обычное дело. Только уберите импульсивность. Не люблю этого в женщинах.

– Это еще пять процентов, – заметил Син. – Итого, плюс тридцать процентов к обычной цене.

– Вы грабитель, – равнодушно проронил Отто. – Я вкладываю в ваш заговор бешеные деньги, а вы не стесняетесь заламывать такие цены.

– Вам все воздастся, – пообещал генерал. – Как только наш замысел осуществится, все ваши затраты будут покрыты с лихвой.

– Хотелось бы верить, – Валенштайн допил sake и плеснул себе еще. – Теплая, вонючая дрянь. Скучаю по виски.

– Слышал бы вас президент Ямамото, – Син рассмеялся. – Вы не патриот своей страны?

– К сожалению, нет, – Отто махнул порцию и налил снова. Было похоже, что сегодня он решил надраться. – Я гражданин мира. Так уж сложилось. Мои фильмы смотрят везде: от Латинской Америки и Африканского Союза до Европейской Аравии и Поднебесной. Их даже в России смотрят, хотя большинство отрицательных персонажей в фильмах – русские. И сам я по происхождению арабийский немец, но гражданство у меня Соединенных Штатов, а большую часть времени провожу в вашей «Чжунхуа жэньминь гунхэго» – пardon за произношение – Китайской Народной Республике. Что мне прикажете делать?

– Оставаться самим собой, – генерал отсалютовал ему бокалом.

– Вот я и пытаюсь, – Валенштайн снова налил себе sake. – И никто не запретит мне говорить, что президент Соединенных Штатов господин Ямамото пьет дерьмо!

Он запрокинул стаканчик и поморщился.

– Ну, пятый уже не так отвратителен? – язвительно предположил Син. – Хотя я тоже не люблю эти японо-американские напитки. Китайская рисовая водка гораздо лучше.

– При чем тут водка?! – возмутился опьяневший Отто. Он даже опустил ноги на пол и, усевшись нормально, подался вперед. – Бурбон! На крайний случай шотландский виски! Вот напитки! Там и аромат, и вкус... а-а... вам не понять!

Он взмахнул тяжелой рукой и едва не опрокинул изящный столик. Рука у Отто была как у многих нога. У некоторых даже две.

– Так что там насчет цены? – придерживая столик, спросил генерал. – У меня есть несколько готовых к репликации юных особ.

– Покажи, – Валенштайн осоловело уставился на Хуан Сина.

– Сейчас?

– А что? Вот кредитка. Если меня кто-то из них устроит, сразу все и оформим.

– Это может вызвать подозрение, – осторожно сказал генерал. – Ночью такие сделки не заключаются.

– Почему? – уперся Отто. – Я частное лицо. Когда хочу, тогда и покупаю.

А что ночью... а когда еще девок покупать?

Он громко рассмеялся. Син вежливо улыбнулся и взял со стола кристалл.

– Ну что ж, идемте. Только... вы же знаете, девушек европейского стандарта мы не выращиваем.

– Мне нужна как раз вашего покроя, – успокоил его Отто. – Миниатюрная, только голубоглазая блондинка. Или вы голубоглазых тоже не выращиваете?

– Ну почему же? Такой исходный материал у нас есть.

Он, уже направляясь к двери, вставил кристалл в слот карманного планшета. На объемном дисплее тотчас появились установочные данные и требуемое лицо.

– Погоди, – Валенштайн налил себе «на посошок» полный стаканчик и выпил залпом. – Теперь идем.

– Номер триста пятнадцать, – не обращая внимания на его манипуляции, торжественно заявил генерал. – Совпадение – девяносто процентов. Вам повезло, дружище. У нас есть девушка, которую почти не придется «дорабатывать» с помощью репликатора. Так, по мелочам. Ну и, конечно, обучение. Через два месяца вы не отличите ее от оригинала.

– Сравнить не придется, – уверенно заявил Отто.

– Как ее будут звать?

– Там написано, – Валенштайн задержался на пороге кабинета, затем чертыхнулся и, возвратившись к столику, прихватил недопитую бутылку sake с собой.

– Анна, – прочел Хуан Син. – Хорошее имя. Идемте, Отто, я покажу вам вашу будущую Анну.

4. УТРО 15.02.2051

Китайцы всегда знали толк в пытках. Год в четырех стенах, без допросов, прогулок, без общения с другими заключенными и даже с охраной. Испытание получилось что надо. Раз в неделю – темным коридором в баню, раз в месяц – парикмахер в черной маске и доктор по ту сторону световой завесы. Яркая лампа в глаза, и только холеные руки щупают живот, прикладывают к груди фонендоскоп, накладывают электроды кардиографа и суют маленькое зеркальце на железной ручке в рот. Всех прочих событий: дважды лечили зубы, и один раз засорился унитаз. Сантехник в маске заставил простоять два часа лицом к стене. Словно опасался, что Иван выведает секреты его профессии. Канализацию он прочистил, но за собой не убрал. Казаков потом целый день отмывал разбрызганное дерьмо со стен и даже с потолка.

Единственное доступное развлечение – созерцание серого двора – надоело уже на второй месяц. Там каждое утро проходили одни и те же построения, бродили

одни и те же люди и проезжали знакомые до боли машины. Ритм жизни в этой части ЦГМ был монотонным и отупляющим.

Пару раз Иван был готов сойти с ума от тоски и скуки, и это казалось ему наилучшим вариантом, но ничего не получилось. Подходя к вожденной черте, он вдруг находил для себя какое-то занятие, ненадолго отвлекался, а когда занятие надоедало, понимал, что благостное безумие снова стало недоступным.

А начиная с Нового года Иван уже не ожидал очередного приступа безумия. У него появилась надежда. Приближался день-перевертень. Пятнадцатое февраля пятьдесят первого года. Если это глупое шоу с числами и словами «тяги-толкаями» придумал не предатель Отто, а кто-то из своих, пятнадцатого вполне могло что-нибудь произойти. И пусть о психологической ставке подполья на мистические свойства палиндрома было известно «бинам», это неважно. Провести акцию в день, о котором известно врагу – высший пилотаж, и такого шанса партизаны никогда не упустят.

Какая могла быть польза от акции Ивану? Если удар не будет направлен против ЦГМ, то исключительно моральное удовлетворение. Но если Соппротивление устроит акцию у этих замечательных серых ворот, кто знает, чем все обернется?

Утро выдалось на редкость солнечное и теплое. Золотой блин на синем фоне неба сиял изо всех сил. Его косые лучи разделили камеру надвое, осветили пространство под койкой и дотянулись до двери. Иван прошелся босиком по нагретому солнцем полу и с удовольствием умылся. Настроение было радостное и немного тревожное. А если ничего не произойдет? Если этот долгожданный день пройдет так же, как все прочие? Торопливо завершив водные процедуры, Казаков вытерся застиранным полотенцем и прилип к окну. Сегодня построение охраны закончилось быстро и совсем не так, как обычно. Строй солдат не рассыпался, и «бины» не разбежались по постам и кабинетам, а разделились на несколько групп, которые ушли с интервалом в минуту, но в одном направлении.

Начало Ивана обнадежило. А когда он понял, куда уходили «красные охранники», его сердце забило учащенно. Гарнизон ЦГМ снова построился на плацу, но теперь все солдаты и офицеры были в касках, бронежилетах и со стрелковым оружием в руках. Это произошло! Казаков радостно вскинул руку и крикнул: «Да!»

Офицеры развели «бинов» по боевым постам, и над внутренним двориком повисла напряженная тишина. Сквозь бронестекло обычно пробивался только рокот машин, но сегодня не было даже его. Центр словно вымер. Что происходило по ту сторону ворот и забора, оставалось только догадываться.

Казаков представил себе возможные сценарии. Вряд ли там, на воле, заварилась действительно серьезная каша. Скорее всего, сопротивление спровоцировало какие-нибудь митинги, максимум – очаговые беспорядки. Было проще простого подбить на такое действие наиболее нервных граждан и морально неокрепшую молодежь. Задача посильная даже для идеологов подполья. Если же к сегодняшнему дню готовились не только партизаны, но и военная разведка, все могло быть еще круче. И беспорядки могли начаться массовые, и митинги не стихийные, а подготовленные, с привлечением внимания мировой прессы. А еще под прикрытием всего этого бардака разведчики вполне могли провести пару-тройку успешных акций.

Иван скрипнул зубами. Только бы ребята не понадеялись на Отто и его подручных! Хорошо бы операцией руководил Наган или сам Потоп – заместитель начальника Управления. Для них Валенштайн был человеком уважаемым, но не самым авторитетным. Эти «зубры» умели мыслить самостоятельно и не верили никому.

Интересно узнать, какие акции спланировали в Генштабе? А вдруг это нападение на ЦГМ? Сердце на миг сладко замерло и забилось еще сильнее. Иван понимал, что Центр не взять никаким штурмом и в Москве это известно любому курсанту, но в то же время он знал, какие обычно цели преследуют диверсанты. Лишь в одном случае из десяти это было уничтожение конкретных офицеров и чиновников, взрывы стратегических объектов или нарушение коммуникаций. В остальных случаях работа была направлена на общую дестабилизацию обстановки и демонстрацию присутствия в городе и провинции реальных сил сопротивления. Осада толпой зловещего Центра генмодификации могла стать именно такой, не боевой, но показательной акцией.

Казакову хотелось верить, что он не ошибается и все идет именно так, как учили в разведшколе, но пока в пользу его правоты свидетельствовала лишь повышенная боеготовность охраны. Толпы из своего окна Иван не видел и никакого шума не слышал.

Хотя, кажется, где-то вдалеке раздались хлопки, затем еще, уже ближе, и на синем фоне утреннего неба появились черные клубы дыма. Машина? Скорее всего. Но это был не выхлоп – гибридные двигатели так не чадят, а пожар. Похоже, горела резина или что-то подобное. Снова послышались хлопки и следом громыхнул натуральный взрыв: полновесный, тугой, заставивший вздрогнуть даже прочное, плотно пригнанное бронестекло.

Иван рассмеялся и несколько раз хлопнул в ладоши. «Бины» внизу зашевелились и начали монтировать напротив ворот станины для тяжелых ракетных установок. Первая линия обороны. Неужели толпа собралась идти на прорыв? Понять граждан можно. За стенами ЦГМ люди исчезали часто и бесследно, как это было когда-то в сталинских лагерях. Рано или поздно народное терпение должно было лопнуть. Но зачем хунвейбинам ракеты? В арсенале специального отдела полиции и на вышках по периметру ЦГМ имелись боевые противопехотные лазеры. Оружие не слишком дальнобойное и жрущее уйму энергии, но для обороны укрепленных позиций просто идеальное.

По стеклу пробежала волна вибрации от нового взрыва. Теперь Иван видел и дым от него, и комья земли с кусками асфальта, и обломки какой-то машины, взмывшие в небо поблизости от ворот. ЦГМ подвергся обстрелу! Вот почему не было слышно шума толпы. Вот почему молчали лазеры на вышках. Никакого сборища вокруг Центра пока просто не было. Стреляло какое-то орудие. Издалека, но довольно точно. А кто давал лазерную подсветку самонаводящимся головкам ракетных снарядов, Иван догадывался. Ведь он учился в той же разведшколе.

День обещал быть удачным!

Хунвейбины установили на лафеты двенадцатиствольные пусковые и начали их заряжать. Иван присмотрелся к типу ракет. Увиденное ему не понравилось. Управляемые снаряды с лазерным наведением. Примерно такие же, как наши. Три пусковые установки по двенадцать ракет. Один залп – и танкового батальона как не бывало. А если учесть, что в руки повстанцев вряд ли попало больше одного-

единственного танка или орудия, то дело и вовсе было ни к черту. Теперь все решит скорость. Кто обнаружит цель и выстрелит первым, тот и победит. На стороне «бинов» были огневой перевес и налаженный контроль над территорией, на стороне диверсантов – внезапность и нестандартность ходов.

«Если не подсветить лазером эти пусковые, нашим может прилететь по полной программе, – забеспокоился Казаков. – Но сквозь ворота не подсветишь, а преобладающих высот поблизости нет».

Проблему решил третий взрыв. Он снес ворота с направляющих, и взгляду Ивана впервые за год открылось ведущее к Центру шоссе и бескрайний пустырь. Что и говорить, незаметно подойти к ЦГМ по такой местности почти невозможно, а значит, штурм издалека был оптимальным решением.

Почти взвод охранников бросился через пролом и занял позиции по ту сторону ворот, но стрелять им было по-прежнему не в кого. Из-за дыма видимость оставляла желать лучшего, но Казаков различил, что в воздухе кружат вертолеты, а ближе к городской окраине мечутся взад-вперед полицейские машины и пара бронетранспортеров. Скорее всего, наземные машины сдерживали толпу, а воздушные пытались вычислить огневую точку диверсантов.

Несколько долгих минут ничего не происходило, а затем... пусковые установки «бинов» превратились в ослепительные белые цветки, одна за другой с интервалом в полсекунды. Иван вспомнил курс артиллерийской подготовки. Как раз столько требовалось на перезарядку ракетной установки «Панцирь-30». Как ребята умудрились провезти такую бандуру в город? Впрочем, не вопрос. В дорожной полиции в основном служили ленивые и алчные «хани», а не принципиальные до тупости хунвейбины. Договорившись с дорожными патрулями, в город можно было провезти даже ядерный фугас.

Вертолеты взяли цель и накрыли ее добрым десятком ракет. Иван усмехнулся. «Панцирь-30» был автономным комплексом, который монтировался на любой грузовой машине и управлялся боевым компьютером. Жалко, конечно, технику, но главного вертолетчики так и не добились – диверсантов они не уничтожили. Людей на огневой точке не было изначально.

Видимо, для полноты картины совершенно из другого квартала городской окраины протянулся белесый след ракеты, выпущенной из переносного зенитного комплекса, и один из вертолетов разломился в воздухе.

Казаков даже присвистнул. Сражение разгоралось нешуточное. Воодушевленная боевыми успехами и от этого напрочь лишившаяся страха толпа решительно смяла полицейские заслоны и двинулась к Центру.

Иван прикинул, сколько потребуется времени людям, чтобы пройти почти километр, и вспомнил инструктаж по системам быстрого реагирования противника. На подмогу засевшим в Центре «бинам» уже должны выдвинуться пехотные части Северного военного городка и гарнизона при блокаде «Чжан». А из центра города по Старому шоссе, основному пути к ЦГМ, сейчас выдвигались отряды специального назначения Главного полицейского управления. И военным, и спецотрядам ходу было примерно одинаково – тридцать-сорок минут. Это с учетом баррикад, которые наверняка соорудили на всех стратегических дорогах «безобразничающие» горожане. Безобразничающие под чутким руководством инструкторов из Москвы, конечно. По расчетам получалось, что у народных масс на непосредственный штурм Центра останется минут десять-пятнадцать, не больше. И это означало, что ничего

подобного не произойдет. Люди просто забросают «бинов» помидорами, распишут стены лозунгами и разойдутся. Рисковать мирным населением разведке запрещено. Но в том-то и заключался высший класс проведения провокаций и прочих подобных мероприятий: выставить врага на посмешище, поднять боевой дух сонных граждан и не потерять при этом ни одного человека. Приемчик посильнее сбитого вертолета. Хотя в комплексе еще лучше. Разговоров хватит на год. Как раз до следующего «особого» дня. А может быть, с таким массовым настроем все решится и раньше, кто знает? Ведь подобные операции проходят сейчас не только в столице Сибирской провинции, а как минимум, во всех «городах-миллионерах». А таких городов от Урала до Желтого моря – два десятка.

Вопрос – удастся ли увидеть следующий «день имени тyani-толкая» Ивану?

На одной из вышек слева от раскуроченных ворот зажегся красный огонек, и у ног первой шеренги надвигающейся толпы взорвалась земля. Люди приостановились, но почти сразу двинулись дальше. Красный зрачок боевого лазера зажегся на вышке справа. Серия небольших взрывов прочертила поперек шоссе и пустыря длинную черную полосу. Предупреждение было вполне понятное. Люди остановились. Ситуация изменилась не в пользу толпы, но никто не попятился и не разбежался. Все будто бы чего-то ждали.

Казakov оперся обеими руками о стекло и напрягся. Чего они ждали? Каких еще чудесных неожиданностей? Через десять минут здесь будут войска, и тогда не избежать серьезных проблем!

Иван поднял взгляд кверху. Вот чего ждали горожане! Один из вертолетов изменил курс и двинулся на Центр. Это было нечто и вовсе запредельное! Неужели диверсанты умудрились захватить вертолет?!

Из ракетных подвесок воздушной машины вперед вытянулись белые дымные щупальца, и обе вышки рухнули внутрь ограждения ЦГМ. Следующий залп пришелся по площадке перед воротами, где лихорадочно окапывались «бины», по двору и тюремной стене. Казakov не успел отпрянуть от окна и почувствовал, как падает вперед. Бронестекло покрылось паутиной трещин, но не рассыпалось, а просто выпало наружу. Вместе с ним, с высоты второго этажа выпал и Казakov.

Он успел сгруппироваться, но приземление все равно вышло жестким – сказался год вынужденного безделья. Иван откатился подальше от стены здания и проанализировал ощущения. Вроде бы ничего не сломал. Слегка отбил пятки и заработал неприятное чувство тяжести в районе солнечного сплетения, но двигаться это не мешало. Он прижался к забору и вдоль него пробрался к пролому, зияющему там, где недавно были серые ворота. Вертолет продолжал обрабатывать территорию Центра, а толпа подошла совсем близко, но на перехват взбунтовавшейся винтокрылой машины уже летели другие «вертушки», а на городской окраине появились головные бронетранспортеры войсковой колонны. Настала пора уходить. Иван выбрался через пролом и со всей возможной прытью помчался к толпе. До нее было каких-то сто метров. Сто метров до своих! До свободы! Шаг, еще один...

Когда Казakov, вне себя от счастья, добежал до такой родной и желанной толпы, люди вдруг начали расходиться. И никому из них не было дела до сбежавшего из ЦГМ узника или до его чувств. Они уходили с места схватки спокойно, деловито, небольшими группами, видимо, по заранее оговоренным маршрутам. Кто-то потянулся в лесопарковую зону, что зеленела высокими соснами справа от территории ЦГМ, кто-то устремился в хитросплетения дворики

старинного научного городка, остальные спускались к берегу Обского водохранилища, все еще покрытого ненадежным льдом, или к железной дороге, в эпоху монорельсовых экспрессов использовавшейся исключительно для неспешных пригородных поездок на допотопных грохочущих электровагонах. Благодаря четкой организации, «рассасывались» бунтари быстро и бесследно.

Иван поначалу метался между группами, но его наконец заметили. Кто-то набросил поверх его арестантской робы ярко-зеленую куртку, кто-то нахлобучил ему на голову кепку и подтолкнул в сторону двориков. На окраине жилой зоны группа разделилась. Чтобы Иван снова не растерялся, его взяла за руку румяная тетка. По мере того как «демонстранты» углублялись в район, группа становилась все малочисленнее. Народ расходился по домам и подворотням. Вскоре тетка исчезла, и ей на смену пришел длинный нескладный парнишка. Он не решился взять Ивана за руку, как младенца, и указывал путь постоянными «прошу сюда». Вскоре исчез и он. Рядом с Казаковым осталась всего одна миниатюрная девушка в желтой спортивной куртке и натянутой на самые глаза вязаной шапочке. Сначала Иван на нее почти не смотрел, но когда она указала на подъезд одного из домов и произнесла «пришли», Казаков вздрогнул и резко обернулся.

– Аня?

Девушка подняла на него печальные голубые глаза и удивленно спросила:

– Мы знакомы?

– Конечно, знакомы! – радостно воскликнул Иван и тут же вспомнил, что маску «мачо» с него никто так и не снял. И уже не снимет. Ирония репликации: теперь, чтобы вернуть первоначальный облик, Казакову потребуются накладывать новую маску, а не снимать старую. – В смысле, были знакомы, но я выглядел иначе.

– Как интересно, – Аня скривилась. – А вы не слишком оригинальны. Хотя нет, так примитивно ко мне не подкатывали с детского сада. А я во времена нашего знакомства выглядела так же?

– Вы ничуть не изменились, – Иван расплылся в улыбке. – Я Иван.

– Поздравляю, – Аня открыла дверь подъезда. – Проходите.

***

Дом был огромным по площади, но всего шести этажей в высоту. Объяснялось это тем, что многоквартирным он только казался. На самом деле он был «малоквартирным». По одной на каждые два этажа, то есть по три в подъезде. До Передела здесь жили очень состоятельные граждане Сибирского федерального округа, но когда запахло жареным, они предпочли уехать в «безразмерную» Москву. После плотного заселения местности «ханями» и, как следствие, вполне демократического, посредством всенародного референдума, переподчинения Сибири Китаю, так же поступили и многие другие. Причем за недвижимость и прочее имущество китайцы давали эмигрантам хорошие деньги, и никто из переселившихся на запад сибиряков ни разу не возмутился и не остался в обиде на новых хозяев местности к востоку от Урала. Это уже позже политики спохватились и объявили, что произошла оккупация, а поначалу все казалось вполне нормальным, так же как капитуляция американской экономики перед японскими корпорациями или скупка на корню всей недвижимости, предприятий и фирм Европы арабскими шейхами.

И вот после двадцатилетней эпохи Континентального Передела сюда заселились богатеи другого цвета кожи. На первом этаже теперь проживал известный

предприниматель из Уханя, на втором поселился менеджер крупной промышленной компании из Пекина, а на третьем – профессор Шанхайского университета. Все трое представители избранной нации и все – владельцы и жильцы чисто номинальные. На самом деле первый этаж занимали компьютерные залы, второй был «спальным», а на третьем расположились центры связи, репликации, лечения и наблюдения. Здесь действовал штаб и координационный центр всех партизанских ячеек Новосибирска.

Теорию Иван знал давно, однако оказался в Узле, как его называли обитатели, впервые.

– Как вам Узел, впечатляет? – выслушавший его история мужчина задал этот вопрос, скорее чтобы взять паузу и поразмыслить над словами беглеца.

– Особенно впечатляет ваша наглость, – Иван усмехнулся. – Поместить Узел почти под стенами ЦГМ да еще прикрыться такими известными в Поднебесной фамилиями, это игра с огнем. А если профессор Гуанчжао узнает, что где-то в Сибири у него есть недвижимость, и приедет на нее взглянуть? Или электронная разведка Центра обнаружит помехи и наведенные поля.

– Да... наглость... – человек задумчиво побарабанил пальцами по столу. – Нет, не обнаружит. Мы приняли меры. А профессор Гуанчжао о недвижимости знает с самого начала. Он покупал ее лично. Так вы утверждаете, что ваша фамилия Казаков?

– Иван Казаков, – подтвердил гость.

– Я знаком с Иваном, он выглядит иначе, – мужчина пристально взглянул Казакову в глаза.

– Это маска, – Иван в десятый раз указал на лицо. – Просроченная маска. Хотите, я назову свой идентификационный номер?

– Это не доказательство, – человек покачал головой. – ИНН не является секретной информацией.

– Возьмите у меня кровь, сделайте анализ ДНК, – предложил Казаков.

– Вы же знаете... – мужчина укоризненно взглянул на беглеца. – Если, как вы утверждаете, в ЦГМ вырастили вашего клона, этот анализ теряет смысл. Его ДНК будет точно такой же.

– А если это был готовый образец и ему всего лишь реплицировали мое лицо?

– Для работы на месте этого бывает достаточно, но для засылки в тыл противника... – мужчина развел руками. – К таким операциям «бины» готовятся очень тщательно.

– Так что же, получается, меня больше нет?! – вскипел Иван.

– Успокойтесь, – миролюбиво проговорил человек. – Вы есть, сидите сейчас здесь, в этой комнате, только...

– Только я не Иван Казаков и внешне, и потому, что на моем месте уже есть «Иван Казаков», так?

– Спокойнее, спокойнее, – мужчина обернулся к компьютеру и приказал: – Связь с оперативным модулем. Сейчас все уладим.

В воздухе, правее стола, за которым сидели собеседники, появилось плоское, полупрозрачное изображение небольшой комнаты или внутреннего убранства какого-то вагончика. На вызов ответил Наган. Не узнать его Иван не мог, даже несмотря на легкую маскировку и модную бородку. Слишком много времени они провели вместе, готовя прошлогоднюю операцию.

– Что у тебя, Боб?

– Вот беглец из ЦГМ. Ракета пробила тюремную стену, и он выбрался.
– А почему один? – Наган с подозрением прищурился.
– Будто ты не знаешь, что все камеры в Центре исключительно одиночные, – пробурчал Иван. – Наган, посмотри на меня! Хорошенько посмотри. Помнишь, как ты заснул, сидя перед «компом», когда мы продумывали варианты отхода после операции «Первый дождь»? Когда ты навернулся со стула, я думал, этажом ниже обвалится потолок.
– Что-то не припомню, – Наган поджал губы.
– А ты напряги спинной мозг – твой типичный совет, – Иван невесело усмехнулся. – И глаза протри. Я это, я... курсант Казаков собственной персоной.
– Ну да, – Наган скривился. – Ты хотя бы физиономию поближе к оригиналу выправил, гнида клонированная.
– К какому оригиналу? – Иван чувствовал, как стремительно улечиваются остатки терпения. – К «казачку» засланному? Ты что, Наган, нюх потерял?! Клона от человека отличить не можешь? Или он на гребне славы неприкасаемым стал? Вот я молодец! Сам себе яму вырыл!
– Ты, шавка желтопузая, можешь на Казака хоть до смерти твякать! – напрягся Наган. – Он после «дождя» еще пять операций провел, и все на «отлично». А вот чем ты прославился, кроме сидения в одиночке ЦГМ, это большой вопрос.
– Пять операций? – Иван растерялся. – Против «бинов»?
– Против комаров на болоте, – осклабился Наган. – Что, съел?
– Значит, какая-то очень крупная ставка в игре, – нашелся Казаков. – Недаром же всем делом заправляет Отто.
– Ты что же, сука, еще и Отто решил грязью облить? – возмутился Наган. – Боб, шлепни его на хрен! Прямо сейчас, чтобы я видел!
– Партизаны никого не убивают, – спокойно заметил Казаков. – Таковы правила подполья. Ликвидация – это работа разведчиков. Хочешь меня убрать – приди и убери.
– Много чести, – Наган осклабился в зловещей улыбке. – Но отпускать тебя нельзя. Ладно, выродок, уболтал. Боб, вези его сюда. Сам грохну.
– У меня свободных людей мало, – пожаловался Боб. – Может, я его пока запру, а кто-нибудь из «призраков» мимо поедет...
– Нет, я по глазам вижу, этого волчару надо прямо сейчас потрошить. Иначе или сбежит, или набедокурит. Так, желтозадый?
– Вези, Боб, – Иван перевел потемневший взгляд на соседа. – Не дрейфь, не сбегу.
– Ну... я не знаю, – Боб виновато взглянул на Нагана. – Если только в вену его ужалить.
– Правильно, – одобрил разведчик. – Дозу «клипсы» впрысни хунхузу этому, как раз на пятнадцать минут «отключки» хватит.
Пока они принимали решение, Иван добровольно закатал рукав и принялся сжимать-разжимать кулак, чтобы на предплечье набухли вены.
Инъекцию делала Аня. Она еще не закончила введение, а Иван уже поплыл и последние слова Боба слышал откуда-то издалека, из небесной выси, куда взлетел, чтобы немного поплавать и понырять в облачном море.

– Анюта, отвезешь его в последний путь? Только через электромагнитную рамку проведи, пусть ребята импульсом его обработают, а то вдруг у него в одежду «жучки» вшиты.

– А если он не врет?

– Наган разберется.

5. ПОЛДЕНЬ 15.02.2051

Иван открыл глаза и взглянул на далекий источник света. Обычная лампочка под высоким потолком. Одна из сотни. Только прочие не горели, а эта старалась за всех. На просторный зал ее не хватало, и потому фигуры людей и очертания предметов казались размытыми тенями. Иван приподнял голову и осмотрелся. Его привезли в обычный спортивный зал. Деревянный пол с баскетбольной разметкой, пластиковые щиты с корзинами, лавки вдоль стен слева и два ряда зрительских сидений справа.

Казаков полулежал в стандартном компьютерном кресле. Руки и ноги связаны не были. Иван сел поудобнее, и его движение заметили. Из полумрака выплыла внушительная фигура с пластиковым стулом в руке. Человек поставил стул напротив Казакова и уселся на него верхом. Под потолком зажглись еще лампочки, но светили они только на Ивана, создавая там, где он сидит, круг довольно яркого света и еще сильнее оттеняя остальное пространство зала. Человек на стуле сидел как раз на границе света и тьмы. Она проходила по его плечам и макушке.

– Ну что, андроид, очухался?

Этого «призрака» Иван знал, но лишь шапочно. Его звали Радар. В кругу разведчиков он считался одним из лучших ликвидаторов. Обычно таких бойцов пристегивали к группам в качестве ударной силы и, отчасти, «заградительного отряда». Вторая роль ликвидаторов сформировалась после того, как участились случаи сдачи диверсантов оккупационным властям. Судя по тому, что здесь был Радар, операция развернулась нештучная. Большие торпеды – большим кораблям.

– Радар, дай попить, – Иван различал позади ликвидатора очертания еще двух или трех фигур.

Одна, самая миниатюрная, приблизилась и через плечо Радара протянула бутылочку с водой. Боец перехватил емкость и подал ее так, чтобы Казакову пришлось тянуться. Иван отлично знал этот трюк. Так издевались над новобранцами инструкторы в «учебке». Тянешься, подаешься вперед, в этот момент сидящий напротив пинает по стулу и сиденье уезжает назад, а ты падаешь носом в пол. Или становишься на колени, что еще обиднее.

Казаков демонстративно привстал и потянулся к бутылочке, а затем резко опустил руку ниже и перехватил падающую емкость на уровне сиденья стула. Этот фокус был ему тоже хорошо известен.

– Ловкое животное, – одобрил Радар.

– Завязывай с этим детством, – Иван поморщился. – Не в учебке.

– То, что ты разбираешься в наших приколах, еще не доказательство, что ты свой, – равнодушно заметил боец. – Покажи, как умеешь драться, может, поверю.

– С тобой? – Казаков криво улыбнулся. – Я диверсант, Радар, а ты ликвидатор. У меня нет шансов. Лучше позови Нагана, и я все докажу.

– А чего его звать? – Радар склонил голову чуть набок, внимательно наблюдая за пленником.

Из полумрака появилась новая тень. Такая же плечистая, как ликвидатор, но чуть ниже ростом. В круг света вошел Наган. Он поставил еще один стул и сел рядом с товарищем, но не верхом, а как положено. Несколько секунд он молчал, медленно потирая остриженную под ноль голову, а затем вынул из кармана сигареты.

– Угощайся, – он протянул пачку Ивану.

– Не курю, ты же знаешь.

– Молодец, – Наган щелкнул зажигалкой. – Ну что, хунхуз, рассказывай.

– Что рассказывать-то?

– А все, – «призрак» выпустил струйку дыма в лицо Казакову. – А мы с Радаром и «Полиграфом Полиграфычем» послушаем и решим – сразу тебя грохнуть или в контригре как-нибудь использовать.

Иван помахал рукой, разгоняя дым, и поставил бутылочку с водой на пол.

– Лучше спроси меня о том, чего «бины» не могут знать, даже если проникли на все уровни нашей конторы. А полиграф свой для нервных дамочек побереги.

С «призраками» этот фокус не проходит.

– Смелый, – Наган развалился на стуле и снисходительно усмехнулся. –

А ежели не ответишь?

– Отвечу. Или о личном спроси. Чего в твоём и моём досье нет и никто, кроме нас с тобой, об этом не знает.

– Да что ты с ним разговариваешь? – лениво процедил Радар. – Давай я ему «винт» сделаю. Хрусть, и нет проблем.

Ликвидатор жестом изобразил, в чем заключается суть приема «винт». Рука кладется клиенту на темя, другая на подбородок – и резкий поворот с нажимом. Перелом первого и второго шейных позвонков гарантирует мгновенную смерть.

Иван понимал, что боец пытается неуклюже давить на допрашиваемого, играя роль «плохого» в традиционном спектакле про двух следователей. Но поддержки со стороны «хорошего», которого должен был играть Наган, почему-то не последовало. Наган о чем-то размышлял. Радар укоризненно покосился на товарища.

В темноте послышались невнятные шепотки, и к группе теней, маячивших за спинами разведчиков, присоединился кто-то еще. В тени этот «кто-то» оставался недолго. Он подошел к товарищам и, наклонившись, оперся на спинки их стульев.

– Говорят, меня поймали?

Иван даже забыл, как выглядит его настоящая улыбка. Вернее, ухмылка.

Теперь он начал вспоминать, поскольку видел ее со стороны.

– Вот, – Радар кивнул в сторону Казакова. – Главно-дело, не похож, а все равно упорствует.

– Это от безысходности, – Казаков-клон усмехнулся. – Понимает, что обречен, вот и упрямится. Так, морда шпионская?

Иван промолчал. Размениваться на мелочи в такой ситуации было глупо. Наган колебался, и следовало срочно вспомнить нечто весомое. Такое, что сможет склонить бывшего командира на сторону настоящего Казакова.

«Ну, давай, Наган, рожай проверочный вопрос! Ты же чувствуешь, что я не вру! Спроси меня, где мы зависали перед заданием. Помнишь тот ночной клуб? Ты повел меня расслабиться. Там были две шикарные девчонки, и мы долго не могли решить, кто какую будет клеить, а в результате нас опередили иностранцы. Ну, спроси меня об этом! Или спроси, как звали того парня, который подсел к нам в кафе на смотровой площадке «Останкино» и битый час рассказывал о вирусах,

придуманных им, чтобы поражать исключительно китайские компьютеры. Думай скорее!»

– Казак, ты меня извини, – Наган наконец вышел из состояния крайней задумчивости и поднял взгляд на клона. – Но я хотел бы задать вопрос вам обоим.

– Ну, ты даешь! – «Иван» выпрямился и покачал головой. – Ты сейчас главный и волен делать что угодно, но в рапорте я на тебя капну, уж не обессудь.

– Капай, лей, клади – твое право, – Наган незаметно коснулся колена Радара. – А вопрос будет такой...

Ликвидатор не изменил позы, но Иван видел, что боец в любую секунду готов распрямиться стальной пружиной. И опередить его не удастся никому, будь ты человек, клон или машина. Наган специально тянул время, наблюдая за реакцией обоих «Иванов».

Казаков настоящий вдруг почувствовал, что краснеет. Это было глупо и не в его пользу, но ничего поделать с собой он не мог. Сказывалось отсутствие тренировок. Сердце частило, уши и щеки горели, а ладони взмокли. Полный провал. А как бравировал! «Полиграф обману, на все вопросы отвечу...» Щенок! Только-только из школы, а туда же – великий разведчик!

– Не томи, – другой Казаков, напротив, выглядел абсолютно спокойным. Не краснел, не бледнел, стоял в позе слегка обиженного, но уверенного в своей правоте человека и сверлил командира уверенным взглядом.

– Ладно, – Наган облегченно выдохнул и махнул рукой, – я и так уже все вижу.

– Нет уж, – «Иван» сложил руки на груди. – Опарафинил меня, и в кусты? Давай уж до конца твой опыт доведем, чтобы больше к этой теме не возвращаться. Спрашивай, что хотел.

Иван настоящий заметил, как Радар незаметно меняет позу. До Казакова вдруг дошло, что никакого «особенного» вопроса у Нагана может и не быть, а все эти разговоры и есть проверка, но как расценивать поведение ликвидатора, Иван не знал. Не того он был уровня разведчик, чтобы знать обо всех хитростях, которыми пользовались «зубры» разведки. Конечно, хотелось надеяться, что Радар готовится «взять» клона. Но даже если «Казаков» и вел себя как-то неправильно, Иван был вынужден признать, что сам ничего странного не видит. Обиделся парень и теперь жаждет публичной справедливости. Там, в тени, наверняка немало зрителей. Что уж лукавить, будь на месте клона сам Иван, он поступил бы так же.

– Ладно, спрошу, – Наган хитро прищурился.

Вот за этот лисий взгляд все женщины считали Нагана большим ловеласом, а все мужчины тайно ненавидели, поскольку никак не могли понять, что у этого «призрака» на уме.

«Не спросит», – решил Иван и ошибся.

– Кто из вас знает настоящее имя Валенштайна? – Наган взглянул на «Казакова», а затем на Ивана. – Одному я его называл.

Казаков почувствовал, как внутренности окатила горячая волна. Настоящее имя Валенштайна?! Называл? Иван лихорадочно перебирал варианты, но ни один не показался ему даже смутно знакомым. Или Наган что-то путает, или у него самого весьма некстати отказала память. Отто... может быть, настоящее имя созвучно или хотя бы отдаленно походит на рабочий псевдоним? Отто... Олег? Нет, никаких ассоциаций. Костя? Мимо. Отар? Он немец, а не грузин. Нет, на похожем звучании

не сыграть. Что же делать? Выбрать имя, которое пришло в голову первым, интуитивно? Что приходило в голову сразу после вопроса? Владимир. Да, кажется, Владимир... Хотя, на самом деле, это не воспоминание, а лишь смутное предположение. Рискнуть? А что остается?

Иван неуверенно открыл рот и даже начал складывать губы, чтобы произнести первую букву имени, но тут «Казак» звучно шлепнул себя по лбу и расплылся в улыбке.

– Как же я мог забыть?! Василий! Верно?

Наган перевел безразличный взгляд на Ивана. Тот обреченно покачал головой и затравленно улыбнулся.

– Я не помню...

Дальше все произошло за полсекунды. Казаков ожидал, что взять руки и бить для остротки по почкам будет Радар, но ликвидатор лишь мотнул головой, а всю работу сделали его помощники.

Они бесшумно и стремительно ворвались в световой круг и прижали к полу... Казака-клона.

– Правильно, что не помнишь, – Наган подался вперед и посмотрел оторопевшему Ивану в глаза. – Я ж ничего такого не говорил. Да и нет у Отто других имен.

– Я думал, ты про девок спросишь или что-то подобное, – признался Иван. – Ну, интимное что-нибудь.

– Про каких девок? – Наган стер с лица улыбку и поднял одну бровь.

Казаков снова покраснел.

– Ну, тогда, перед «дождем», в клубе... одна рыженькая, другая брюнетка. Их потом америкосы увели, пока мы с тобой бодались, кто какую будет... танцевать.

– В таком подпитии нас самих можно было... танцевать, – Наган рассмеялся. – Расслабься. Помню. Но тут надо было не просто на склероз вас обоих проверить, а еще и на вранье спровоцировать. По тебе видно было, что вспомнить ты ни фиги не смог и начал выдумывать, а Казачок наш ждал, когда ты говорить начнешь, чтобы на опережение сыграть. Ты какое имя хотел назвать?

– Владимир.

– Ну вот, тоже на «В». Он за артикуляцией твоей следил. Первую букву с губ считал и тут же выдал наиболее вероятный вариант. Пятьдесят лет назад пацанов часто Василиями нарекали.

– Владимирами чаще.

– Если Владимировичами, – согласился Наган. – Только, как ни крути, Вова Валенштайн звучит так же смешно, как и Вася. Кстати, ты что-то говорил насчет нашего несравненного Отто.

В зале зажегся весь свет, и реабилитированный Иван проследил, как связанного «Казака» оттаскивают к зрительским местам.

– Я подозреваю, что моя замена клоном подстроена ЦГМ и Отто. Я видел, как Валенштайн и этот Казак выходили от Сина. Наш Отто и генерал что-то замышляют.

– Замышляли, – поправил Наган, – год назад. Теперь их замыслы наверняка уже в ходу. Дрянная ситуация, Казак, туманная.

– Я Иван, – Казаков взглянул на товарища исподлобья. – Казака больше нет, зови меня Иваном.

– Договорились, – Наган кивнул. – Мне и самому эти перевернутые позывные надоели хуже геморроя. Пусть хоть у тебя нормальный адрес будет. Идем, поговорим в приличной обстановке.

Они встали и направились к запасному выходу из зала. По пути Иван обернулся и поискал взглядом Аню. Ее почему-то поблизости не было, хотя все остальные «зрители» расходиться не спешили. Особого значения этому факту Казаков не придал, но все равно немного огорчился. Ему очень хотелось знать, как теперь будет реагировать на него эта симпатичная и смелая девушка.

Наган привел вновь обретенного товарища в тесную прокуренную комнатку и, не спрашивая, налил ему кофе.

– Отвык за год? – он улыбнулся.

– Да уж, в тюремный рацион такие напитки не входили. – Иван потянул носом. – Московский?

– На самом деле бразильский, – Наган усмехнулся, – но упаковка наша, это верно.

Продолжать разговор разведчик не спешил. Он налил кофе себе и уселся на продавленный диван. Казаков пошарил взглядом по столу, а затем устался на товарища.

– Снова проверяешь? Где сахар?

– Ах да, совсем забыл, что ты сладкоежка, – Наган указал на тумбу стола. – Там, на полке. А чего ты в зале озираешься, Анюту искал?

– Откуда знаешь? – Иван размешал сахар.

– Не без глаз, – товарищ опять усмехнулся. – Да и логика подсказывает. Она красивая, знакомы вы еще с прошлого февраля, ну и год без женщин – это много. Ты просто обязан к ней тянуться, если ориентацию не сменил.

– Все-то у тебя по полочкам, – Казаков пригубил кофе. – Отличный кофеек! Да, искал, только она куда-то очень быстро испарилась.

– К Отто побежала, – спокойно сообщил Наган. – Она почти весь год была у него на связи. С Казаком. Я теперь даже сомневаюсь, кто из них ее больше использовал.

– Ты ее подозреваешь? – насторожился Иван.

– Тогда я и себя должен подозревать, и Радара, и вообще все Управление. Ежели Отто скурвился, он это без свидетелей сделал. Но ему Анна пока верит больше, чем нам, это факт. Вот и помчалась предупредить, что Радара на него нацелили.

– А если Валенштайн решит от нас избавиться? – Казаков отставил чашку. – Подключит Хуан Сина, и накроют нас «бины» медным котелком.

– Ну, – Наган хитро взглянул на Ивана.

– Что – ну?!

– Вот и посмотрим, прав ты или нет.

Иван оказался прав. Убедиться в этом разведчикам пришлось очень скоро. Они только допили свой кофе, когда в комнатку ввалился Радар. Одной рукой он придерживал за шею испуганную Анну, а в другой сжимал бесшумный пороховой пистолет. Глаза ликвидатора сверкали, а речь была отрывистой и щедро сдобренной матом.

– С поличным поймал... её мать! Спряталась в сортире и стучала по телефону Валенштайну... его мать. Теперь этого Отто... с собаками не найдешь. Дура... стоеросовая!

– Анюта, зачем ты лезешь не в свое дело? – укоризненно спросил Наган.

– Вы не правы! – выпалила девушка. – Отто не может быть предателем!

– А Казак может? – Наган вздохнул. – У него два креста за боевые заслуги, десяток «бинов» на личном счету и ни одного провала. Нехорошо, Аня.

Самодетельность во вражеском тылу губительна. Вот оцепят сейчас этот спорткомплекс хунвейбины, что прикажешь нам делать?

– Отто – честный человек! – упрямо заявила Анна. – Он пообещал приехать и во всем разобраться.

– Ну да, приедет. С эскортом из сотрудников спецотдела полиции, – недовольно проронил Иван. – Год в тюрьме, полдня на свободе, и снова в тюрьму? Такой режим мне не по душе.

У Нагана зазвонил телефон. Разведчик прижал палец к мочке уха и внимательно выслушал сообщение. После он обвел товарищей сосредоточенным взглядом и кивнул.

– Все верно. «Бины» уже здесь. Оцепляют здание и близлежащие кварталы. Расходимся. Аня, исправляй ошибку – выводи Ивана. Прямо до границы проводи. Отвечаешь за него головой. Ну, а мы ляжем на дно. У нас здесь еще одно дельце осталось. Месяца через полтора объявимся.

Девушка испуганно втянула голову в плечи и украдкой смахнула слезинку. Ивану стало искренне жаль эту хрупкую подпольщицу. Для нее весь мир в одночасье вывернулся наизнанку. Все белое вдруг стало черным, а важное бессмысленным. Хорошо, что Наган дал ей возможность реабилитироваться. Шок от удара по идеалам – дело проходящее, но не сразу. Без конкретного задания образовавшуюся временную пустоту могла заполнить либо черная меланхолия, либо жгучая обида. Теперь этого не случится. Но пока Аня не пришла в себя, ее следовало подталкивать.

– Идем? – Иван взял девушку за руку.

Она резко выдернула свою ладонь из руки Ивана и быстро вышла из комнаты. Спрашивается, на кого обижалась? На себя? Казаков попрощался с товарищами и догнал проводницу в конце коридора. Там располагался вход в подвал.

Снова катакомбы, путаные клубки тоннельных развязок и лабиринты канализационных коллекторов со множеством слепых ответвлений и абсолютно без освещения. А по пятам идут «бины». Иван поежился. Ничего приятного в предстоящем путешествии он не находил. Разве что присутствие Ани. Да только что от него толку? Во-первых, она по-прежнему верна Валенштайну, а во-вторых, даже поглазеть на нее не удастся, темно же.

– Дверь на замки закрой, – из глубины подвала приказала девушка.

Иван поднатужился и затворил за собой тяжелую бронедверь. Получилось это не слишком быстро, и краем глаза Казаков успел ухватить фрагмент происходящего в коридоре, на уровне комнатки, где проходила беседа с Наганом. Иван увидел, как со стороны спортзала появились вооруженные «бины», а из каморки выглянул Радар. Он поднял пистолет, чтобы открыть по врагу огонь, но хунвейбины его опередили. Под ногами ликвидатора разорвалась световая граната, а затем по коридору начало расплываться газовое облако.

Казаков нащупал рукоятку замка и с усилием провернул ее до упора. Перед глазами плавали радужные круги и яркие пятна. Даже с приличного расстояния вспышка гранаты ненадолго ослепляла. Впрочем, в кромешной темноте полагаться на зрение не имело смысла, а к моменту выхода на свет все должно было восстановиться. Иван вытянул перед собой руку и сделал пару шагов. Пальцы наткнулись на стену. Он подался вправо, но стена не кончалась.

– Я ничего не вижу, – негромко признался он. – Аня, ты где?

Вместо ответа девушка будто бы нехотя взяла его за руку и потянула за собой.

Они одолели довольно приличное расстояние, когда вдалеке раздался сильный взрыв, и гулкое эхо разнесло по всему подземелью весть о том, что «бины» проникли в подвал.

6. ВЕЧЕР 15.02.2051

Новая маска была не хуже и не лучше прежней. Теперь Иван выглядел самым обычным малопривлекательным пьющим работягой. Обветренная кожа, неровная щетина, красноватые прожилки на крыльях носа, глубокие морщины поперек лба и мешки под глазами. Русые волосы казались давно не мытыми и никак не желали укладываться хотя бы в подобие прически. Аня тоже больше не блистала красотой. Кроме того, под обычную одежду она надела мягкий комбинезон с полиуретановыми вставками и теперь выглядела обычной деревенской толстушкой. Новые отпечатки пальцев и цветные линзы завершили условное преобразование. Большого при помощи стандартного маскировочного набора и простейшего репликатора не сделать.

– Вот если бы нам удалось пробраться в центр, на Горького, на семнадцатую явку, – Аня скептически взглянула на свое отражение в старом, тусклом зеркале. – Там хорошая аппаратура. Можно было бы даже рост и голос изменить.

– Без специальных средств нас и в таком обличье не распознаешь, – успокоил ее Иван. – Из двух рисков придется выбрать меньший. В центр сейчас не пробраться. Там наверняка полно «бинов».

– Ладно, – Аня вздохнула и отвернулась от зеркала, – пора двигаться, автобус через пять минут.

Они вышли из двора неприметного частного домика через заднюю калитку и, пробираясь по краю узкой, грязной тропинки, вышли к остановке пригородных автобусов. По старой дороге через заброшенные окраины, давно ставшие настоящими трущобами, проходили всего два маршрута, но оба были проложены в обход блокпостов, а потому пользовались большой популярностью у коренного населения. Старый, громяющий на каждом ухабе всеми внутренностями «Ниссан» остановился и раскрыл двери.

– Анюта, далеко собралась?

Вместе с обескураживающей фразой из двери вылетела пригоршня шелухи. Монументальных пропорций кондукторша отряхнула ладони и запустила руку в карман за новой порцией семечек.

– Ну, чего стоите, как пустоменты? – тетка сплюнула шелуху частично на пышную грудь, частично на подбородок. – Залазьте, артисты с погорелого театра.

«Артисты» забрались в автобус, и он загрохотал по мерзлой колее разбитой грунтовой дороги к следующему не означенному на схеме города остановочному пункту.

– Валя, – Анна села рядом с кондукторшей и понизила голос, – что, совсем плохо замаскировались?

– Ага, – не стала отрицать Валя. – Штукатурку мастерком накладывали? Чего к Зинке-то не пошли? Она ж гримершей в мюзик-холле работала. У ней и пликатор японский, и мазь хорошая, Зинка сама ее делает.

– Нам некогда было.

– Чего некогда? Подумать? Чем это вы занимались, что аж мысли вон?! – Валя утробно рассмеялась и слегка ткнула локтем Аню в бок. От дружеского тычка та чуть ни свалилась на пол.

– У нас «бины» на хвосте висели.

– Да ладно, «бины»! – кондукторша хитро подмигнула и покосилась на Ивана. – А он ничего... если без грима представить. В койке-то как, силен?

– Ва-аля, – укоризненно протянула Анна.

Разговор переключился на другие темы, и Казаков перестал за ним следить. Автобус вырuling из города, объехал по закоулкам частного сектора Бердский залив и теперь приближался к городку Искитим, конечной точке своего маршрута. Иван взглянул на древний покосившийся указатель и, прищурясь, попытался рассмотреть торчащие почти у горизонта трубы. Особого промежутка между большим городом и его спутником не было. Повсюду вдоль дороги возвышались старые коттеджи, многоэтажки, домишки попроще и совсем развалюхи, и эта архитектурная мешанина в городской черте почти не отличалась от таковой на территории Искитима. Разве что посреди малого городка торчали заводские трубы, а южная его оконечность была огорожена длинным забором и тремя рядами колючей проволоки. Окраина же «большого брата» ничем таким похвалиться не могла. Традиционно по роду трудовой деятельности искитимцы делились на две категории: работники цементного завода и охранники «зон» общего режима. Специализация сложилась еще в прошлом веке, и с приходом «ханей» ничего не изменилось. Цемент и отделочные материалы требовались новым хозяевам так же, как прежним. «Зоны» тоже.

Автобус остановился у поворота.

– А вон уже и Гришка катит, – Валя указала на приближающийся со стороны Искитима транспорт примерно той же сохранности, что и ее «Ниссан». – Он вас мигом до алтайской норы домчит. Шесть часов, и вы в тоннеле.

Гришка домчал за восемь с половиной, поскольку два раза, в Бийске и в Майме, останавливался и, страшно матерясь, лез в моторный отсек. Последняя, третья, аварийная остановка случилась уже во глубине Алтайских гор, буквально за километр до станции Камлак-1 «Северные Ворота». Беглецы прошли остаток пути пешком.

Полиция на станции монорельсовых поездов Северные Ворота была не в пример городской: расслабленная и ленивая. Никто из постовых не взглянул на приезжих даже мельком. Ивану вспомнились цепкие взгляды городских «бинов». Конечно, ничем особенным из толпы пассажиров беглецы не выделялись, но элементарную бдительность местные полицейские могли бы и проявить. Хотя лучше не надо. И так целый день в напряжении, если еще «хани» цепляться начнут, нервы могут не выдержать.

Экспресс подошел точно по расписанию, и никаких проблем при посадке не возникло, но расслабился Иван, только когда пшикнули герметичные двери и поезд,

набрав полный ход, нырнул в грандиозную светящуюся трубу трансалтайского тоннеля.

«Вот теперь можно и отдохнуть. До Астаны. А там... А что там? В Астане всегда было лучше, чем где бы то ни было. Пустынно, все постоянно пьют водку и глотают радиопротекторы, а от такого сочетания вообще дуреют. Никаких клонированных «бинов» и почти нет солдат. Вольный город, да и только. Самолет на Франкфурт, конечно, все равно отменяется; в аэропорту слишком тщательный контроль, и с дешевой маской на лице его не пройти, но если держаться подальше от подобных стратегических объектов, в Астане можно спокойно прожить весь остаток дней. Никто не найдет. В планы это не входит, но теоретически... почему нет?»

Иван откинул спинку широкого кресла и пристроил поудобнее подушку. Четыре часа пути было разумнее всего использовать для сна.

Раз нельзя на самолете, придется снова поездом или нанимать машину. Как повезет. Главное – на колеса и через «грязные» степи – бывшую территорию бесследно исчезнувшего государства Казахстан – на юго-восток России. В Оренбург. И лучше бы приехать туда по «железке», это несомненно. Железнодорожных пассажиров в пограничном городе досматривают тщательно, но не так, как тех, кто приехал автостопом.

Казаков зевнул и прикрыл глаза.

Позже. Все дела чуть позже. Сейчас полностью расслабиться и хоть немного вздремнуть. Он невольно покосился на Аню. Она не раскладывала кресло, а сидела и напряженно смотрела в окно, словно хотела найти в бесконечных кадрах мелькающей за стеклом настенной мультирекламы подсказку, как жить дальше.

«Ничего хорошего на заборе не напишут, – Иван вздохнул и отвернулся. – Вечная проблема русского человека: сомнения и заниженная самооценка. Хотя при чем тут самооценка? О себе она была достаточно высокого мнения. Но идеалы рухнули и теперь она сомневается. Круг замкнулся».

Казаков провалился в неглубокий сон, полный неясных образов и ассоциаций. В нем было много персонажей, что-то постоянно происходило, но больше всего сновидения напоминали театр абсурда. Пробуждению Иван был даже рад. Все равно такой сон не приносил облегчения, одну головную боль.

***

До пограничного перехода оставалось двести метров и столько же человек живой очереди. На досмотр и проверку документов каждого эмигранта уходило около пяти минут. Итого получалась тысяча минут или около семнадцати часов. А в полночь будет еще смена караула – плюс полчаса, и два технических перерыва – утром и в обед – в сумме еще час. Иван занял место в очереди и тоскливо взглянул на светящиеся огни по ту сторону шлагбаумов.

Российская часть Оренбурга почти ничем не отличалась от китайской. Те же яркие вывески и рекламные телециты, светлячки фонарей проезжающих машин и прозрачные нити разгружающих проспекты виадуктов. Подсвеченные особым образом башни небоскребов составляли замысловатые архитектурные композиции, а десятки, если не сотни, небольших вертолетов, взлетающих с крыш, казались взмывающими в темное вечернее небо искрами от высоченных факелов.

Нет, различия, конечно, были, но едва заметные. На той стороне люди одевались несколько вызывающе, а русские надписи почти не дублировались на

иностранных языках, разве что на английском, да и то очень мелким шрифтом. По эту сторону границы одежда граждан была более яркой, но менее экстравагантной, без псевдоевропейских выкрутасов, а иероглифы и кириллица на всех вывесках занимали строго равное пространство.

Вот и вся разница. Иван впервые в жизни задумался над этим фактом. За что боролись подполье и разведка, если людям жилось практически одинаково по обе стороны кордона? За идею? За национальную гордость? За право решать свои проблемы самостоятельно? Ну, так они и решали. В Совете провинции почти десять процентов депутатов были русскими. Пропорционально количеству коренного населения. Разве не справедливо?

Что до национальной гордости – надо было вспомнить о ней раньше, когда открывали под Хабаровском первую зону свободного предпринимательства и продавали богатым «ханям» участки земли по всей Сибири и Дальнему Востоку.

А идея... какая была идея у борцов за «освобождение» Сибири от китайского «ига»? Если задуматься – никакой. Поскольку «ига» тоже никакого не существовало. Было столкновение культур и шкурных интересов. Ханям требовалось жизненное пространство, сибиряки хотели урвать – на том и сошлись. Когда русским продавать стало нечего, возник конфликт под лозунгом: «Верните купленное, мы вам его еще раз продадим». В ответ поступило предложение заработать денежки иначе. Предложение показалось удивительным и неприемлемым: виданное ли дело – работать?! Лучше жалобы будем писать. В Москву! Чай, не Пекин, поймет столица и поверит...

Столица поняла и быстренько организовала подполье и диверсионную деятельность. Зачем? Чтобы защитить проторговавшееся коренное население. От кого? От работодателей. Москву понять было можно: работодатели-то иностранные, налоги в казну России они не платили, но как было понять сибиряков? А раз так, за правое ли дело сражались «призраки», а в их лице вся Россия?

Получалось, что из объективных зол для русского в Сибири было одно: ЦГМ и его хунвейбины, а все остальное – заслуженная «отдача».

Иван попытался подумать о чем-то более патриотичном, но в этот момент Аня дернула его за рукав. Казаков незаметно оглянулся и понял, что так рано терять бдительность ему не следовало. С обеих сторон очереди медленно шли десять или двенадцать «бинов». Они внимательно изучали каждого эмигранта и периодически сверялись с небольшими инфоблокнотами. Это были не ленивые полицейские у Северных Ворот, этих обмануть было невозможно.

Иван подтолкнул Анну вдоль очереди.

– Беги!

– Не получится! – громко шепнула Аня.

– Делайте, что вам говорят, – поддержал Казакова пожилой мужчина из очереди. – Сегодня начальником караула заступил лейтенант Ван Юйджин, он вас пропустит.

– Я... – Анна все еще мешкала.

Из очереди раздалось громкое шиканье, и несколько рук подтолкнули Аню вперед. Кто-то, для убедительности, ее даже ущипнул. Девушка виновато взглянула на Ивана и быстро пошла к шлагбауму. Начальник караула уже стоял на пороге служебного помещения и прикуривал сигарету, поверх огонька зажигалки глядя на происходящее.

– Всем тихо! – старичок перевел взгляд на Ивана. – А тебе, «призрак», стойкости духа.

– Откуда вы знаете... – Казаков не закончил фразу, поскольку на плечо легла рука хунвейбина, а в спину уперся ствол излучателя.

Аня этого уже не видела. Она, запыхавшись, подбежала к турникету паспортного контроля и протянула документ невозмутимому контролеру. Пока тот изучал паспорт, девушка не сводила глаз с приближающихся «бинов». Если они не побегут, шанс уйти за кордон у нее имелся. Если не побегут или... не попросят начальника поста приостановить переход.

Контролер шлепнул в паспорт визу и вернул документ владелице. Теперь оставалось только пройти досмотр. Поклажи у Ани не было, да и в карманах, кроме разрешенной к вывозу суммы в юанях и пары струблевок, не завалилось ничего предосудительного, даже необходимых каждой женщине мелочей.

– Проходите, – приглашая ее в зону досмотра, сказал пограничник.

Аня вошла в павильончик и встретилась взглядом с лейтенантом. Он молча указал на противоположную дверь. Анна прошла в нее и... очутилась на нейтральной полосе. Дольше сдерживать эмоции не было сил, и девушка пробежала стометровку перехода не больше чем за тринадцать секунд.

На российской стороне ее уже ждали.

– Анна! – из притормозившего у шлагбаума фургончика выглянул незнакомый мужчина. – Сюда! Ребята, помогите барышне!

Два русских пограничника буквально внесли девушку внутрь фургона, и машина помчалась по широкому, залитому светом проспекту прочь от границы.

– Полковник Потапов, военная разведка, – представился мужчина. – Как добрались?

– Вы же видели, – Аню била нервная дрожь.

– Ну, ну, успокойтесь, все позади, – полковник дружески похлопал ее по плечу. – Что у вас случилось, почему «бины» оцепили переход?

– После волны акций в крупных городах они объявили «Молнию».

Прочесывают все подозрительные места. Мы удачно прошли мимо большинства постов, но под занавес засветились.

– Ничего, главное, что вы здесь. Как дела у Нагана?

– Он сказал, что объявится не раньше чем через месяц-полтора.

– У него все в порядке? Радар и Казак остались с ним?

– Да, все нормально.

– Ну и славно. Сейчас отвезем вас в спецгостиницу МВД. Там безопасно.

Отдохнете, выспитесь, а утром мы побеседуем подробнее. Не возражаете?

– Хорошо, – Аня слабо улыбнулась.

– А кто это был с вами?

– Где? В очереди? Просто попутчик. Он из другой ячейки. Мы встретились в Астане.

– Ему, похоже, не повезло.

– Да, жалко. Он был хорошим товарищем...

...Когда, оформив Анну в гостинице, Потапов вернулся к машине, из кабины, отделенной от салона темным стеклом, выглянул еще один человек.

– Ну что, Потоп, как думаешь, не улизнет? – спросил он. – Эта девчонка не дура, понимает, что рано или поздно медосмотра не избежать.

– Я предупредил охрану. И ребята поблизости дежурят. Все пути отхода заблокированы.

– А подземелье? Она в этом деле большой спец. С любым диггером может посостязаться.

– Перекрыто, – Потоп-Потапов закурил. – Здесь она как птичка в золотой клетке.

– Смотри, сильно не усердствуй, – предупредил человек. – Со стороны все должно выглядеть идеально, даже для тех, кто понимает толк в разведке. Анализ ДНК после медосмотра пусть она сама выкрадет и уничтожит, оставь такую лазейку. Потом замнешь расследование, спишешь все на халатность медперсонала.

– Лучше я дам ей возможность пробраться в базу данных и сменить аналитический код. Так надежнее и никакого расследования не потребуется. Машина просто заявит, что генетическая карта этого клона полностью идентична карте настоящей Анны, да и все дела.

– Тоже верно, – согласился человек. – Ну, смотри, Потоп, на тебя надеюсь!

– Да ты расслабься, Отто, все идет по плану. Вторая фаза операции удалась на все сто. Завтра начнем третью. Не пройдет и года, как мы их дождем, будь уверен.

– Пройдет год и десять дней, – исправил его Валенштайн. – До нового дня – палиндрома.

7. УТРО 25.02.2052

– Мундир китайского офицера тебе не идет, – Иван сидел на койке и угрюмо наблюдал, как по его крошечной камере расхаживает сытый и холеный Казак.

Клон был облачен в синюю униформу спецотряда полиции с шевроном ЦГМ на левом рукаве. В кругу «бинов» такая нашивка повышала престиж ее обладателя ровно на пункт. Как знак гвардейца в российской армии. В переводе на привычные русские звания, Казак был примерно гвардии майором. Только специальных сил полиции. Аналогов такому сочетанию в российских военизированных структурах не существовало.

– А тебе не идет морда хронического алкоголика, – парировал Казак. – Времени, что ли, не было поприличнее физиономию сделать?

– Вопрос не ко мне.

– А к кому, к Аньке? Там правды не найдешь, как у змеи ног.

– Так вы ее взяли? – Иван опустил взгляд к полу.

Казак остановился и присел на корточки, заглядывая ему в лицо.

– Она снова с Отто.

– Она... вернулась? – удивился Иван.

– А что такого? Против нее у правоохранительных органов ничего нет.

Мелочи, вроде пособничества экстремистам, не в счет. Конечно, до тех пор, пока она нужна нам на свободе.

– У меня такое ощущение, что вы все играете какой-то длинный спектакль и я его единственный зритель, – признался Иван. – Я один не читал сценария и не знаю, чем это все должно закончиться.

– Ну, насчет своего участия ты скромничаешь, – Казак встал. – У тебя особая роль. На первый взгляд она небольшая, но очень яркая. Каждый выход на сцену сопровождается фейерверком и громом оваций. Я бы на твоём месте гордился.

– Ну, посиди на моем месте, – огрызнулся Иван. – Яркая роль! Конечно, будешь играть лучше, чем на Бродвее, если перед этим просидишь год взаперти.

– Это издержки бессмертия, – клон усмехнулся. – Хочешь войти в историю?

– Ты хотел сказать: «в очередной раз вляпаться в историю»?

– Нет, именно войти. Помнишь, какой сегодня день?

– Помню. Перевертень.

– Вот именно, – Казак щелкнул пальцами, и в камеру протиснулся «бин» с комплектом гражданской одежды в руках. – Положи здесь.

Солдат сложил одежду на койку и бесшумно удалился.

– Ты решил вывести меня на ежегодную прогулку? – Иван подозрительно прищурился. – А полномочий хватит?

– Ты же видишь мои погоны, – Казак приосанился. – Я считаюсь помощником начальника ЦГМ по контрразведке. Одевайся. Этот знаменательный день я предлагаю провести с пользой.

– А если я не захочу?

– Да брось ты! Я же тебя не вербую. Просто покатаемся по городу, ты развеешься, а заодно убедишься, что повторение прошлогодних беспорядков невозможно.

– Зачем мне это знать?

– Позже поймешь. Всему свое время. Одевайся...

...Даже на окраине города было невозможно ступить, не наткнувшись при этом на полицейского, солдата или «бина». Новосибирск-Новосиань был переполнен военными, но граждан это, похоже, не волновало. Вернее, они будто бы знали причину такого сбора военных и относились к экстраординарным мерам с пониманием.

«Словно ждут кого-то, – мелькнула у Ивана мысль. – Какого-то важного гостя...»

Чем ближе машина подъезжала к центру, тем тверже становилась убежденность Ивана в том, что в город должен приехать кто-то из высшего руководства. Увидев, какие меры предосторожности принимаются в самом центре, он понял, кто именно приезжает в главный город Сибирской провинции. Так опекать спецслужбы могли только одного человека. Только самого Председателя КНР Мао Чжана.

– Уже приехал или только ожидаете? – Иван мельком взглянул на Казака.

– Ты о ком?

– О Председателе.

– Поздравляю, угадал. – Клон указал на дом правительства: – В двенадцать ноль-ноль состоится торжественный прием у губернатора. Приезд Председателя, сам понимаешь, событие нерядовое. Будет весь цвет общества, генералы, политики и даже заезжие знаменитости. Например, сам Отто Валенштайн. Знаешь такого актера?

– Кто ж его не знает? – Иван кивнул. – Смотрим кино. Только в последние два года – редко.

Клон расплылся в загадочной улыбке. Машина остановилась у подъезда дома правительства, и вышколенный охранник распахнул дверцу.

Казак и Казаков выбрались из лимузина и поднялись по ступеням в вестибюль учреждения.

– Не стану вдаваться в подробности и тратить время на словесные игры, – подводя Ивана к лифтам, заявил клон. – Все достаточно просто. Ты делаешь дело, и мы тебя отпускаем.

– Не пойдет. Пуля в затылке мне не пригодится.

– Хорошо, уточняю: ЦГМ тебя преследовать не станет, слово генерала Сина.

– А обычная полиция?

– Зачем тебе заведомо ложные обещания? Неужели ты за два года отсидки забыл все свои особые навыки? Уйти от облавы обычной полиции для тебя не составит труда. Так?

– Может быть, – Иван задумчиво взглянул на Казака. – Откуда я буду стрелять?

– Разве я сказал, что надо стрелять? – удивился Казак.

– А что, не так?

– Не совсем, – клон покачал головой. – Ты осуществишь отвлекающий маневр. Пальнешь, куда понравится, помелькаешь перед публикой, после тебя останутся следы. В общем, устроишь шоу имени Освальда. Стрелять на поражение будут подготовленные снайперы.

– И ты хочешь сказать, что после всего мне удастся уйти? – Иван усмехнулся. – Я отупел от сидения в одиночке, но не настолько.

– А у тебя есть выбор? – Казак неожиданно схватил его за горло и прижал к створкам лифта. – Или ты играешь роль Освальда, или сегодня же идешь в расход. Выбор ясен?!

– Иди в задницу... – прохрипел Иван.

Звякнул мелодичный звонок, дверцы лифта раскрылись, и Казак втолкнул пленника в кабину. Иван спиной вперед пролетел вместительный лифт по диагонали и невольно прижал к никелированной стенке какую-то служащую. Женщина испуганно вскрикнула и попыталась протиснуться к выходу, но путь ей преградил Казак. Он оскалился в жутковатой улыбке и попросил:

– Двадцать третий, пожалуйста.

– Мне надо было... мне... выйти, – пролепетала служащая, но послушно ткнула в сенсор, так никуда и не выйдя.

Лифт пошел вверх.

– Спасибо. – Казак сделал шаг к Ивану и несколько раз сильно ударил его кулаком в живот, затем, когда он согнулся пополам, коленом в лицо и, под занавес, локтем в затылок.

Иван скорчился на полу, отплевываясь кровью. Женщина вжалась в стенку. От ужаса глаза у неё едва не вылезли из орбит. Клон поправил униформу, откинул со лба челку и как ни в чем не бывало подмигнул служащей.

– Сударыня, а вы видели приезд Председателя? Нет? Жаль. Там было столько цветов. Весь аэропорт в цветах. Вам бы понравилось.

Лифт остановился на двадцать третьем этаже. Казак выволок Ивана из кабины и послал едва не падающей в обморок женщине воздушный поцелуй. Когда створки

лифта сомкнулись, клон с помощью двух солдат поставил пленника на ноги. Иван, все еще держась за живот, выпрямился и равнодушно взглянул на Казака.

– Сам стреляй.

– Снова неправильный ответ, – сказал клон, правда, теперь воздерживаясь от рукоприкладства. – Я могу, конечно, заменить тебя еще одним дубликатом.

– Мог бы – уже б заменил.

– Верно, – согласился Казак. – Это слишком расточительно. Клоны недешевы. А потому я использую все-таки тебя, хочешь ты того или нет. Будешь упираться – накачаем наркотиками, и тогда с места преступления тебе не уйти. Пойдешь на дело добровольно – все договоренности останутся в силе. Никакого преследования со стороны ЦГМ не будет. Решай. Только прямо сейчас.

Решать было особо нечего. Иван понимал это не хуже Казака. А еще он отлично понимал, что последует за убийством Председателя. Международный скандал – слишком мягкое определение. Убийство Мао создаст настоящий «казус белли» – формальный повод к войне, как это случилось в четырнадцатом году двадцатого века в Сараево. Кому это выгодно, кроме радикально настроенной части китайской правящей верхушки и ставшего ее опорой Центра генетических модификаций с целой армией хунвейбинов? Больше никому. Получалось, что Ивану предстоит продать свою страну в обмен на собственную жизнь. И выбора у него нет. Даже если спровоцировать Казака на убийство Ивана прямо сейчас, все равно труп русского диверсанта обнаружится в полдень на балконе и с винтовкой в руках, а к вечеру «экспертами» будет доказано, что жизнь Председателя оборвала пуля, выпущенная именно из этой винтовки. Значит, нужно бороться до конца. Как – неизвестно, но главное – не сдаваться.

– Покажи мою позицию, – принял решение Иван.

– Другое дело, – Казак фамильярно хлопнул его по плечу. – Идем, на этом этаже располагается вход на балконы зала для церемоний.

Они прошли на один из балконов правой стороны, и Казаков внимательно осмотрелся. В драпировке ограждения была сделана небольшая аккуратная дыра. Стрелять следовало через нее. Пороховая винтовка была дорогой, но максимально простой. Однозарядной, с отличной оптикой и без всяких глушителей. В зале с такой хорошей акустикой грохота от нее должно получиться как от горного обвала.

– В прицеле красная точка, видишь?

Иван заглянул в прицел. Внутри него мигала маленькая красная лампочка, почти как в видеоискателе камеры.

– Ну.

– Это условный сигнал. Как только загорится, стреляй.

– Для синхронизации с выстрелами других снайперов? – предположил Казаков.

– Именно так. Палить можешь куда угодно.

– Патроны будут холостыми?

– Патрон, – уточнил Казак. – Один, но боевой. Если ты пожелаешь выстрелить не в Мао, а, например, в меня или в генерала Сина, учти, что в этом случае «бинов» никто не отзовет. Они поймают тебя и посадят на бамбуковый кол. Это я так, на всякий случай.

– Я понимаю, – Иван кивнул. – В Отто можно?

– В принципе, да, но нежелательно, – Казак усмехнулся. – Если уж так чешутся руки отомстить Валенштайну, можешь убить его морально. Он будет с Анной. Она, правда, слегка подправила внешность, но тебя этот маскарад не обманет. Пристрели сучку – положишь Отто на лопатки. Слабо?

– Я подумаю.

– Подумай. Время еще есть. Но лучше стреляй в охрану председателя. Тебе же выгоднее. Когда начнешь удирать, одной гончей у тебя на «хвосте» окажется меньше.

– Спасибо за совет.

– Родной душе – ничего не жалко, – Казак громко рассмеялся.

Иван стиснул зубы и промолчал. На кону стояло слишком многое, чтобы просто взять и столкнуть сейчас эту «родную душу» с балкона. Слишком многое.

***

До приема оставалось два часа, когда здание правительства начало переполняться офицерами ЦГМ, сотрудниками охраны Председателя и чиновничьей братией. В такой обстановке, по большому счету, можно было раствориться не одному и не двум снайперам, а целой диверсионной группе.

Казак запер Ивана в специальной глухой комнате все на том же двадцать третьем этаже и оставил неподалеку от дверей двух опытных «бинов». Самому клону поступил экстренный вызов от секретного агента. Он спустился на третий этаж и, миновав безучастных штатных охранников Дома правительства, быстро вошел в один из кабинетов. Жалюзи на окнах были закрыты, и в помещении царил полумрак. Женщина-агент сидела в кресле и курила длинную сигарету.

– Ты хотела меня видеть? – Казак подошел к креслу и присел на подлокотник, обняв женщину за плечи.

– У меня есть срочное сообщение... – она сделала паузу. – Но кроме того... я действительно хотела тебя видеть.

Она чуть приподнялась и впиалась губами в губы Казака. Их поцелуй был долгим и горячим. Клон с трудом оторвался от этого занятия и положил ладонь женщине на грудь.

– Постой. Сначала дело.

– Да... – она дышала возбужденно, и голос ее стал чуть ниже. – Прости... я не сдержалась. Ласки этого человека такие пресные... порой я схожу с ума от невыносимого желания бежать, куда глаза глядят, лишь бы вырваться из осточертевшего замкнутого круга! Я постоянно думаю о тебе.

– Вокруг немало достойных «бинов». Если тебя не удовлетворяет наш солнцеподобный Отто, ты могла бы воспользоваться ими.

– Мне нужен только ты!

– Клоны не могут иметь привязанностей, – Казак отрицательно покачал головой.

– Так решили люди! Но мы не куклы! Мы те же люди, только иного происхождения! У нас есть чувства.

– У нас нет чувств, Анна, – строго возразил Казак. – Мы слишком рациональны для этого.

– Ты хочешь, чтобы это было так, но на самом деле... – Анна тяжело вздохнула. – Я понимаю, что всем обязана Отто, но я люблю тебя. Иначе я не стала бы тебе помогать.

– Это не любовь, – сурово сказал клон. – Мы слеплены из одного теста, и это делает нас близкими по духу. Почти родственниками.

– Ты не хочешь меня понять, – Анна огорченно взглянула на Казака. – Хорошо, думай, как знаешь. Я пришла предупредить: Отто что-то затевает. Сегодня на приеме.

– Это не секрет, – Казак усмехнулся. – Мы с Отто и генералом разрабатывали операцию совместно.

– Нет, я думаю, у Валенштайна есть какой-то другой план, – девушка нежно провела рукой по щеке офицера. – Будь осторожен.

– Ерунда! – убежденно заявил Казак. – Отто не может вести двойную игру. Он вложил в наш замысел просто невероятные деньги.

– Ты думаешь, он не ценит мир на континенте больше всех этих денег?

– Кто? Валенштайн? – Казак рассмеялся. – Будь он русским, я мог бы на миг заподозрить его в патологическом патриотизме, но ведь он американец! Его отечество – деньги. Война принесет Отто баснословные прибыли. Какое ему дело до моральных последствий конфликта в Евразии? Нет, исключено, Валенштайна не может замучить совесть. У него никакой совести попросту нет. Если б она у него была, он вышел бы из игры еще два года назад, когда наш проект только набирал силу.

– И все же я за тебя боюсь. Это... какое-то шестое чувство. Мне не по себе.

– Ладно, – смилостивился Казак. – Иди ко мне... сейчас мы развеем твои страхи...

...Когда Анна вернулась во временные апартаменты Валенштайна, до начала приема оставался час. Отто был занят важной беседой с администратором Дома правительства и сумел обменяться с дамой сердца лишь мимолетными взглядами. По лицу Анны было трудно прочесть что-либо, кроме предвкушения торжества, но Отто все же прочел. Она снова бегала к своему приятелю, и, судя по всему, они неплохо провели время.

«Тянет все-таки искусственную кровь к аналогичной, как бы ни били генетики себя в грудь и не доказывали обратное».

Валенштайна не особо радовало поведение помощницы, но это была не ревность, а скорее неудовлетворенность качеством товара. Ведь Отто покупал у генерала Сина фактически рабыню, а оказалось, что девушка имеет свои чувства, эмоции и потребности.

«Хотя не страшно. Пусть забавляется с кем угодно, раз уж слаба по этой части. Главное, чтобы не продала. А то ведь шепнет Казаку, чего не следует, из большой любви или по-родственному, а тот Сину, и все, конец играм...»

8. ПОЛДЕНЬ 25.02.2052

Винтовка была удобной. Иван чувствовал себя так, словно всю жизнь владел именно этим оружием. Оптика давала возможность рассмотреть любые мельчайшие детали одежды и лица всех присутствующих в зале людей. Председатель должен был появиться с минуты на минуту. Взгляды гостей то и дело обращались к служебным дверям.

Иван навел оружие на Валенштайна. Тот, как всегда безупречный и общительный, оживленно беседовал с каким-то бизнесменом. Анна стояла рядом.

Она улыбалась и периодически раскланивалась со знакомыми дамами. Никакого волнения у нее на лице не отражалось, но один раз Ивану удалось поймать ее взгляд. В глазах у Анны можно было прочесть беспокойство и напряженное ожидание. Наверное, девушка была в курсе замыслов Отто и его подельников.

Иван опустил перекрестье прицела на грудь девицы, но тут же перевел его на висок Валенштайна. Ему страшно хотелось нажать на спусковой крючок прямо сейчас, не дожидаясь сигнала, но он совладал с эмоциями и продолжил наблюдение.

Генерал Син беседовал с двумя высшими офицерами из спецотдела полиции в дальнем углу зала, почти у общего выхода. Начальник ЦГМ страховался, там он был в полной безопасности. Казак маячил поблизости от своего шефа.

Иван поводил стволом из стороны в сторону. Да, так оно и было, развернуться, чтобы выстрелить в руководство спецотдела, диверсант не смог бы при всем желании – мешало ограждение балкона. Сектор обстрела был небольшим. С этой позиции Иван мог стрелять только в сторону служебного входа и левее, до середины зала. Ну что ж, такая страховка была более чем разумной. «Призрак» ведь мог и пожертвовать собой ради светлого будущего страны. «Бины» это учли.

Иван поднял прицел и неожиданно для себя навел его на балкон левой стороны зала. Все ограждения были задрапированы флагами провинций и дружественных государств. Точно напротив Ивана перила укрывал красный флаг самого Китая.

Что там за точка посреди одной из звездочек на национальном флаге? Дыра? Да, именно так. Аккуратная, почти незаметная прорезь. Один из реальных снайперов занял позицию зеркальную позиции Ивана.

Казак неожиданно для себя принял решение. Он сместился вправо и лег поперек балкона. Теперь оставалось угадать момент, когда поступит сигнал. Вернее, предугадать этот момент.

Служебные двери открылись, и в зал вошли два офицера охраны, за ними переводчик, пресс-секретарь и показалась фигура Председателя. Пока что его прикрывали идущие впереди люди, но буквально через пару шагов он должен был пересечь порог зала и полностью открыться снайперам.

Иван припал к окуляру прицела и, задержав дыхание, плавно нажал на спусковой крючок.

Прогремел выстрел, и в красной драпировке левого балкона образовалась хорошо заметная дыра. Чуть левее предательски прорезанной звездочки.

Дальше события завернулись с сумасшедшей скоростью. Дамы завизжали, кавалеры запрокинули головы, выискивая источник грохота, охрана принялась расталкивать гостей по углам, а телохранители Председателя быстро увели вождя нации подальше от опасной зоны.

Иван отполз к балконным дверям и притаился. Из коридора доносился топот и возбужденные выкрики на китайском. Затем послышалась какая-то возня, снова выкрики, на этот раз ругательства, и на балкон выбежали двое «бинов». Иван приготовился к рукопашной схватке, но один из врагов неожиданно взмахнул руками и перевалился через ограждения балкона. Снизу послышался глухой звук упавшего тела, и дамы закричали вновь. Второй «красный охранник» развернулся к балконной двери лицом, бросил на пол пистолет и поднял руки. Его взгляд скользнул по лицу притаившегося слева от входа Ивана, и на губах полицейского появилась презрительная улыбка.

Казаков пока смутно понимал, что происходит, но сразу сообразил, что «бин» сдается вовсе не ему. На балконе появились два человека в цивильных костюмах. Они сковали руки хунвейбину за спиной и вытолкнули его обратно в коридор.

Им на смену пришли еще двое в штатском. Один поднял и аккуратно упаковал винтовку Ивана в непрозрачный пластиковый мешок, а второй жестом приказал Казакову вытянуть руки перед собой. Иван не стал противиться столь вежливому приказу. То, что его не положили носом в пол, не пнули пару раз для острастки и не сковали руки за спиной, было неплохим признаком. Человек в штатском защелкнул магнитные наручники и указал на дверь. Иван, тоже молча, кивнул и вышел в коридор.

Где его встретил... улыбающийся Радар.

– Ты? – Иван беспокойно оглянулся. – Что это значит?

– Идем, – ликвидатор махнул рукой в сторону лифта. – Наган расскажет.

Они спустились на пару этажей вниз, перешли по длинному коридору в дальнее крыло здания и очутились в губернаторских апартаментах. Весь путь до места назначения разведчики и сопровождавшие их сотрудники охраны молчали. Лишь когда за спиной бесшумно сомкнулись створки дверей в специальную комнату для совещаний, Радар буркнул: «проходи».

Иван окинул удивленным взглядом помещение и неловко кивнул всем присутствующим. Кроме дышавшего над ухом Радара здесь были Наган, Отто, два «ханя» из охраны Председателя, секретарь и сам Мао Чжан.

– Садись, – загадочно улыбаясь, предложил Наган.

– Куда? – не нашел лучшего вопроса Казаков.

– За стол, – Наган указал на свободное кресло. – Председатель желает лично поблагодарить тебя за свое спасение.

Иван сел и демонстративно положил скованные руки на стол. Мао скосил глаза на одного из офицеров, и «браслеты» с рук Ивана мгновенно исчезли.

Председатель долго разглядывал Казакова и, наконец, сказал что-то секретарю. Иван неплохо знал китайский, но реплика была тихой, и слов он просто не разобрал.

Секретарь любезно улыбнулся Нагану.

– Товарищ Председатель считает, что прежде всего вы должны ввести всех присутствующих в курс дела.

– Извольте, – Наган кивнул. – На сей момент обстановка полностью под контролем верных правительству военных. Заблаговременная концентрация войск на важнейших направлениях и объектах города позволила отрезать и окружить ударные группы хунвейбинов до того, как заговорщики перешли к активным действиям. Сейчас составляются подробные списки этих групп, но наши коллеги из контрразведки Китайской народной армии считают, что арестованы практически все участники заговора: от верхушки, во главе с генералом Хуан Сином, до последнего клона.

– А Казак? – перебил его Иван.

– Его пока не взяли, но это дело ближайших часов.

– Ему удалось уйти из Дома правительства? – удивился Казаков.

– Ему помог кто-то неплохо разбирающийся в схеме подземных коммуникаций, – Наган выразительно взглянул на Отто.

Валенштайн усмехнулся и пожал плечами.

– Издержки. Не так уж это и принципиально.
– Для вас, – заметил Наган. – А Ивану, например, не вернуться в нормальную жизнь, пока где-то будет бродить его двойник.

– Не отвлекайся, с деталями разберемся позже, – Отто виновато покосился на Мао.

– В результате успешно проведенной совместной операции китайского и российского контрразведывательных ведомств антиправительственный заговор полностью раскрыт. Виновные пойманы с поличным, а все материалы переданы китайской стороне, – формальным тоном закончил Наган. – Особо хочу подчеркнуть роль господина Валенштайна, который контролировал всю операцию от начала до конца, и лейтенанта Казакова, участвовавшего в ключевых акциях также от начала до конца.

Он чуть склонил голову и вежливо улыбнулся Председателю, давая понять, что закончил свой краткий доклад и больше добавить ему нечего. Наган вообще не собирался делать какие-то там заявления или читать доклады. Это не входило в его планы. Он хотел всего лишь забрать Казакова и быстренько слинять на родину. Но Мао Чжана охватило чувство благодарности, и он решил одарить союзников вниманием. Раз пошла такая пьянка, Нагану пришлось менять тактику и входить в роль оратора. Быстро, коротким обменом рукопожатиями такие встречи не заканчивались – не солидно, и, значит, следовало о чем-то говорить. Естественно, не раскрывая секретов. Мао и его спецслужбы знали главное – русские помогли раскрыть заговор, поскольку давно почуяли угрозу со стороны ЦГМ, и этого было достаточно. Покушение на Мао стало ярчайшим тому доказательством.

Вот почему Наган вел себя как заядлый бюрократ, а многие принципиальные вопросы оставались по молчаливому согласию не затронуты, так как это было делом дипломатов и военных высшего уровня. Кто разрешил русской разведке следить за ЦГМ на территории Китая, почему данные по заговору не были переданы в контрразведку провинции еще год назад, как соотносятся действия разветвленной агентурной сети среди русского населения провинции и существование Центра генмодификации? Можно ли надеяться, что подрывная деятельность подполья теперь, после ликвидации спецотдела полиции, будет прекращена?

Разведчики уровня Нагана такие вопросы не решали, и Мао это понимал, а потому встреча со «спасителями» закончилась все-таки быстро.

Председатель пожал им руки, поблагодарил и степенно удалился. Русские остались на попечении его свиты.

– А теперь, братцы, будьте предельно осторожны, – шепнул Валенштайн. – Мао нас облобызал и забыл, а эти ребята не забудут и не простят. Держитесь рядом со мной, иначе живыми отсюда не выйдете.

– Мы же им помогли, – наивно удивился Иван.

– Мы влезли со своим уставом в чужой монастырь, – возразил Отто. – Кстати, юноша, мне сказали, что вы целились в меня из ружья. С какой целью, позвольте узнать?

– С целью грохнуть, – Казаков мстительно улыбнулся. – За мои мучения и ради спасения мира во всем мире.

– Похвально, что не грохнули, – Валенштайн ответно усмехнулся. – Выйдем через служебный ход. На улице могут случайно встретиться недобитые хунвейбины. Уверен, что, если они нападут, помощь от военных обязательно «немного запоздает».

– Вы действительно придумали всю эту комбинацию? – с уважением глядя на Отто, спросил Иван.

– Уже не дуешься за два года отсидки?

– Почти нет, но хотел бы понять...

– Дома, юноша. Все вопросы-ответы дома. Мы сделали, что от нас требовалось. Теперь дело за политиками. Если они не упустят момент и если у власти останется Мао, постепенно, за несколько лет, Китай и Россия объединятся в прозрачную конфедерацию, и это выгодно всем. Таков мой прогноз.

– Конфедерация с «ханями»? – Иван недоверчиво покачал головой. – Трудно поверить.

– Ну, ЦГМ же мы скovyрнули, – Отто усмехнулся. – Было бы желание. Вот увидишь, где-нибудь году к шестидесятому такой вопрос встанет ребром.

– К шестому февраля шестидесятого года? – уточнил Казаков.

– Может быть, и так, – Валенштайн рассмеялся. – Или ты, Иван, по-прежнему считаешь, что перевернутые дни и слова не имеют магической силы?

– Уже и не знаю, – Иван вздохнул, – Отто...

9. ВЕЧЕР 25.02.2052

На явочную квартиру разведчики приехали втроем. Отто, формально имевший статус американского гостя, да и просто в силу огромной мировой популярности неприкасаемый для контрразведки «ханей», предпочел вылететь в Штаты ближайшим рейсом.

– Ну, да и мы тут не задержимся, – уверенно заявил Наган. – Ты, Иван, отдохни пару часиков, а мы с Радаром пока организуем отход. Никому не звони, никуда не выходи. Если кто-нибудь постучится, стреляй прямо сквозь дверь и уходи через окно.

– А если свои?

– Свои сюда не сунутся, только чужие, – заверил Наган. – Мы откроем сами.

Когда товарищи ушли, Казаков завалился на диван и попытался расслабиться. Сделать это было трудно, в голове роились мысли и отголоски пережитых волнений. А еще его тревожил побег Казака. В этом двойнике словно бы сконцентрировались все недостатки и пороки самого Ивана, а потому разведчик почти не сомневался, что так просто клон не сдастся. Скрытая мстительность природы, которую настоящий Казаков тщательно подавлял, непременно должна была толкнуть его двойника на решительные действия, невзирая на военное положение и наступивший в жизни бывших сотрудников ЦГМ кризисный период. Казак сейчас наверняка рвал и метал, обдумывая план уничтожения всех предателей, а в первую очередь «горячо любимого» прототипа.

«Интересно, найдет он меня или нет? – лениво размышлял Иван. – Наган уверен, что об этой явке никто не знает, но Казак тоже не лыком шит. Да к тому же еще неизвестно, закончилась операция на самом-то деле, или это опять «промежуточный финиш». Что, если опала и бегство Казака заложены в сценарий хитроумного Отто? Ведь что получается: когда, год назад, мы с Анной бежали из спортивного зала, Нагана и Радара взяли «бины», однако сейчас эти двое на свободе. Может, их тоже подменили клонами? Тогда выходит, что они заодно с Казаком, а Валенштайн никакой не герой. То есть меня снова подставляют? Опять эта паранойя! Трусливый бред! Но... с другой стороны, раньше все происходило именно так.

Казалось, что вот-вот должна наступить счастливая развязка, и тут – бац! – снова одиночная камера».

Иван сел и покосился на телефон. Трудно объяснить, каким образом, но Казаков почувствовал, что телефон сейчас зазвонит. И это будет означать, что за два года разведчик так ничему и не научился. Что его снова поймали, как лопухого кролика в простейшую ловушку. Что теперь он окончательно провалил свою миссию и... проиграл жизнь. Вряд ли коварный Валенштайн и его клонированные подручные заинтересованы в возвращении Ивана в Москву, да и вообще, в сохранении ему жизни. Скорее всего, сейчас раздастся звонок и тот же Наган попросит прийти куда-нибудь в укромное местечко, а там Радар сделает «винт», и все. В мире останется только одна версия Ивана Казакова – Казак.

Иван встряхнул головой, словно отгоняя неприятные мысли. Радар вполне мог свернуть ему башку прямо здесь. Но не свернул, а значит, все опасения напрасны. Или нет? Или фальшивые «призраки» хотели остаться чистыми, если вдруг найдутся случайные свидетели? Возможно. Ведь получится, что они ушли по делам, и только после этого Иван, вопреки приказу, отправился куда-то, где и погиб от рук неизвестных.

«Все сходится, – Иван взял телефон в руку. – А если позвонит Казак и предложит поединок? Он не хуже меня должен понимать, что на дешевые кинотрюки я не поддамся, но все же. Если он позвонит, будет ли это означать, что Наган и Радар враги? Наверное, да. Ведь дать ему этот номер могут лишь они».

Телефон выдал мелодичную трель. Казаков нажал кнопку ответа и приложил аппарат к уху.

– Иван?

– Слушаю тебя, Аня, – Иван почувствовал, как сердце сжимает обида.

Анна тоже была в деле! Конечно, рассчитывать, что подручная Отто не в курсе его игры, было глупо, но надежда умирает последней, и вот сейчас пришел ее срок. Развеялся последний мираж, и мир вокруг разведчика Ивана Казакова проступил во всех своих неприглядных серых гранях. Он был на вражеской территории, под прицелом, без оружия и союзников. Более того, его окружали одни предатели. Они использовали Ивана как многоходовую разменную фигуру в игре, целью которой было нанесение вреда обеим соревнующимся сторонам, и теперь хотели его уничтожить. Теперь до Казакова это дошло.

Это и еще одно, самое главное: Отто Валенштайн вовсе не желал союза двух сопредельных держав. Ему требовалось устранить генерала Сина и его подручных, чтобы достичь собственных тайных целей. Вполне возможно, Отто являлся акционером какой-нибудь частной генетической корпорации и таким образом устранял конкурентов на рынке органов для трансплантации, или он хотел обеспечить преимущество американцам, которые, при отсутствии на секретном военном рынке достаточно дешевых хунвейбинов, могли эффективно продвигать своих киборгов.

Так или иначе, в замыслах Отто не было ничего полезного для России. Он радел исключительно за свой кошелек! И люди для него были всего лишь разменными монетами. И Наган, и Казаков, и Анна...

– Нам... – Аня запнулась.

– Надо встретиться, – закончил вместо нее Иван. – Хорошо. Где?

– На берегу, у старого речного вокзала, это в двух шагах от тебя.

– Я приду, – Иван положил трубку.

Вот так. «В двух шагах...» Анна дала понять, что выбора у Ивана нет. Адрес убежища ей известен. Если он не придет на свидание, его достанут прямо в квартире. Версия о всеобщем предательстве получила окончательное подтверждение.

«Быть может, и не все они клоны, – подумалось Казакову, – Отто мог их подкупить, а это значит, что у меня есть шанс выжить. Вот только стоит ли его использовать?»

Иван накинул куртку и вышел из квартиры. С верхней площадки на лестницу упал край человеческой тени. Казаков усмехнулся. «Обложили и гонят по флажкам... охотнички. Наверное, придумали для меня очередной подвиг? Ну, посмотрим...»

...На выщербленном мраморном крыльце древнего речного вокзала стояла одинокая темная фигура. Видимость оставляла желать лучшего. Поблизости не было уличных фонарей или строительных ламп, здание давно уже находилось в аварийном состоянии, и сюда никто не забредал, кроме бездомных. Но этот человек не был нищим или случайным прохожим. Фигура Казакову была хорошо знакома. Это был его двойник. Иван остановился в десятке шагов от врага.

– Я пришел.

– Вижу, – клон вынул из кармана пистолет и направил на Ивана. – Теперь вижу еще лучше.

Казаков опустил взгляд и заметил, что по его куртке скользит красная точка. Двойнику оставалось только нажать на спуск, но он почему-то медлил.

– Чего ты ждешь?

– Застрелить тебя слишком просто, – Казак поднял пистолет стволом вверх.

– Ну, давай подеремся, – Иван поднял воротник. – Решай скорее, а то я замерз.

Клон рассмеялся и снова навел оружие на Казакова. В это мгновение над макушкой двойника взметнулась тень от какого-то предмета, и красная точка дернулась влево, а сам Казак рухнул на колени.

Иван тут же бросился в атаку, но успел заметить, как позади противника мелькнули два человеческих силуэта. Оглушенный клон попытался дотянуться до выпавшего из руки пистолета, но Иван его опередил. Он схватил оружие и от души врезал его рукояткой Казаку по голове. Двойник окончательно обмяк и повалился на мрамор.

Иван стянул с шеи шарф и связал противнику руки за спиной. Закончив, он оглянулся и искал взглядом неожиданного помощника. В сумраке пустой полуразрушенной коробки здания ничего рассмотреть он не смог, зато услышал звуки борьбы и тихие возгласы. Казалось, что где-то там, внутри, борются две женщины. Казаков на ощупь пробрался внутрь вокзала и, спотыкаясь о мусор, двинулся к эпицентру звуков.

Примерно в пяти метрах от входа на полу кто-то возился. Соперники громко дышали, один даже хрипел, но сдаваться никто из них не собирался.

– А ну, брэк, или буду стрелять! – Иван навел лазерный прицел на катающийся по полу клубок. – Аня, это ты?

– Я! – прозвучало дуплетом.

– Что, обе Ани? – удивился Казаков, не опуская оружия. – Встать!

Сражающиеся женщины расцепились и медленно встали.

– Сука драная, – проронила одна, отряхивая одежду.

– Закрой пасть, дешёвка клонированная, – потребовала другая.

Голоса были практически одинаковыми.

– Та-ак, – протянул Иван. – А ну, выходи строиться.

В душе зародилось очередное нехорошее предчувствие. Если у Анны не было сестры-близняшки, то второй женщиной вполне мог быть ее клон. От предусмотрительного Отто можно было ожидать и такого хода. В этом случае остро вставал вопрос верной идентификации. Причем у Ивана не было ни опыта, ни времени для подобных расследований. Да и не знал он настоящую Анну настолько, чтобы задавать особенные вопросы. Как же их было отличить? Иван растерялся.

Впрочем, когда девицы вышли на крыльцо, дилемма решилась сама собой.

Одна из них тут же бросилась к поверженному Казаку и тихо запричитала.

– Да жив он, – успокоил ее Иван. – Отойди от него и руки за спину. Слышишь меня?!

Девушка чуть повернула голову и вдруг резко вскинула руку. Плечо обожгла острая боль, и Казаков выронил оружие. В каких складках одежды двойника нашла эта искусственная валькирия метательный нож, выяснять было поздно. Девица прыгнула вперед и, как пару минут назад это сделал Иван, подобрала упавший пистолет.

Дальше случилось и вовсе невероятное. Стоявшая рядом с Иваном Аня номер два (или один) бесцеремонно выдернула из плеча у Казакова клинок и, сделав короткий выпад, ударила им подругу Казака в живот. Противница ожидала такой атаки еще меньше, чем едва не потерявший сознание Иван. Она жалобно охнула и упала на пол. Победившая Аня отняла у нее пистолет и обернулась к сползающему по стене Ивану:

– Не раскисай! Нам надо идти.

– Куда?

– Куда подальше.

– Погоди... ты откуда взялась?

– Позже объясню. Идем.

– Нас найдут, – заупрямился Казаков. – Отто, Наган, Радар – они все... я им больше не доверяю.

– Я тоже, – ответила девушка. – Вот поэтому мы и должны добраться до своих.

– Без доказательств в Москве нам тоже могут не поверить.

– Эти сгодятся? – Аня кивнула в сторону клонов.

– Двоих не упереть, – Иван указал на Казака. – Берем того, который важнее.

Они кое-как поставили пленника на ноги и потащили к проспекту. У обочины их поджидал белый автомобиль, за рулем которого сидел благодушнейшего вида старичок.

– Дядя Петя, багажник! – крикнула Аня.

Старичок открыл вместительный багажник и помог загрузить в него пленника.

– Кажется, я его уже возил, – дядя Петя усмехнулся. – Вот ведь жизнь пошла... Анна и Казаков уселись в машину.

– Газуй, дядь Петя, – взмолилась Аня, беспокойно оглядываясь по сторонам.

Старичок уселся за руль, и машина сорвалась с места.

– Куда едем? – поинтересовался дядя Петя.

– Из города подальше, – ответила девушка. – А лучше сразу в Россию!

– Эх ты хватила! – водитель рассмеялся. – Ладно, не в Америку!

Он свернул на ближайшем перекрестке налево и поехал, выдерживая направление на восток.

– Мы куда? – Аня, перевязывавшая в этот момент Казакова, насторожилась.

– В Россию, ты же хотела, – дядя Петя хитро взглянул на нее через зеркало.

– Она на западе!

– Ты серьезно предлагаешь ехать до самого Екатеринбурга на этом драндулете? – удивился старик. – Нет, Ньюша, мы пойдем другим путем. Сегодня с испытательного аэродрома Чкаловского завода пойдет технический рейс на Аравию. До Варшавы и обратно. Я вас на него посажу. Летчики мне не откажут. Зря, что ли, тридцать лет на этом заводе испытателем проработал? Ну, а от поляков-то до Москвы как-нибудь доберетесь?

– У нас же балласт, – напомнила девушка.

– Все нормально, – вмешался Иван. – Я знаю код для связи с нашим консульством в Варшаве. Нас встретят прямо на аэродроме.

– Вот и ладненько, – улыбнулся водитель. – Ань, а Мишке-то чего сказать, куда ты делаешь?

– Скажите, что улетела в Австралию. Навсегда.

– Зря ты так. Жених-то видный. Переживать будет парень.

– Ничего, обойдется. В крайнем случае найдет еще одну Аню. Почти такую же, только со шрамом во все пузо.

– Как это?

– А так, – Анна потерла испачканные кровью руки. – Надо бы помыть...

– У тебя телефон есть? – вдруг спросил Иван.

– Зачем? – удивилась Аня.

– Давай, – приказал разведчик.

– Думаешь, могут по нему отследить? – она вынула из кармана трубку и приоткрыла окно, явно намереваясь выбросить аппарат.

– погоди, – Иван взял телефон и набрал номер «Скорой». – Алло, примите вызов. Ножевое ранение в живот... старое здание речного вокзала. Девушка около двадцати пяти, русская. Откуда я знаю, какая группа крови? Все.

Он выбросил трубку в окно и покосился на Аню. Та презрительно фыркнула и отвернулась.

Насчет себя Казаков был более-менее уверен: он настоящий был морально чище и лучше своего двойника, а вот над разницей между этими девицами стоило серьезно подумать. Была ли она вообще, и если да, то в чью пользу.

«А ведь она мне нравилась, – Иван вздохнул. – Или все это время была не она, а та, другая? Черт бы побрал этих генетиков с их пробирками! Навыращивают дублей, разбирайся потом, кто есть кто...»

***

– ...А потом меня полуживую вытащил из проруби Гога, но он тоже не видел нападавшего, – Аня подняла глаза от столешницы. – Извините, мне тяжело об этом вспоминать. Мы понимали, что происходит нечто странное и лучше никому не доверять, поэтому Гога отвез меня на квартиру к Аарону Моисеевичу. Это был мой запасной вариант, о нем никто не знал. Там я долго валялась с пневмонией, а когда

выздоровела, уехала в пригород, в Искитим. Работала на фарфоровом заводике. Если честно, возвращаться в подполье у меня тогда не было никакого желания. Но наступило пятнадцатое февраля прошлого года, и я поехала в город. Увидев, что там творится, я снова загорелась идеей борьбы, но с прежними ребятами связываться не рискнула. Гога был единственным, кто знал о моем существовании, и он же рассказал мне, что Валенштайна повсюду сопровождает мой двойник. Сначала я страшно переживала, но постепенно успокоилась и решила выяснить, что затеял наш несравненный Отто. Так я и добралась до Ивана.

– Вы проделали огромную аналитическую работу, – похвалил ее замначальника ГРУ полковник Потапов, – и спасли нашего сотрудника. Это достойно уважения и даже правительственной награды.

– Ой, только не надо этой патетики, – Аня поморщилась. – Лучше кофе ещё налейте.

– Пожалуйста.

– Спасибо. А еще вы прояснили бы нам с Иваном, как обстоят дела в реале. Казаков изложил мне свою версию, но в его интерпретации не все меня убеждает.

– Что ты рассказал? – Потоп осуждающе взглянул на лейтенанта.

– Что не верю Отто, а вместе с ним и Радару с Наганом, – ответил Иван. – Вы разве не того же мнения? Если так, допросите Казака.

– Допросим, – пообещал Потапов. – Да только мы и без его показаний ориентируемся в обстановке не хуже тебя. Вернее, лучше. Раз в десять. Понимаешь меня, лейтенант?

– А вы не принимаете желаемое за действительное?

– Поучи еще...

– Понятно, – Иван спрятал недоверчивый взгляд.

– А если понятно, забудь все свои сомнения и поменьше болтай на секретные темы с посторонними, – строго закончил Потоп. – Свободны оба. Можете отдыхать вплоть до особого распоряжения. Примерно месяц.

Иван и Аня переглянулись и встали из-за стола. В общем-то, так они себе и представляли возвращение на родину, и это, по большому счету, их устраивало. Единственное, что не давало покоя Ивану, это отсутствие ответа на главный вопрос: было уничтожение ЦГМ задумкой Управления или Отто, и какова истинная роль Нагана и Радара?

«Впрочем, это уже не мои заботы, – осадил себя Казаков. – Я наконец-то вернулся домой. Это главное».

Очутившись на крыльце Управления, он радостно присвистнул и обнял Аню здоровой рукой.

– Хочешь, я покажу тебе Москву?

– Рассчитываешь на роман? – Она не отстранилась, но взглянула на Ивана с недоверием.

– А что?

– Да нет, ничего, – Аня неожиданно смутилась. – Я такая недоверчивая, потому что пока не привыкла к новой жизни. Извини...

– Да ладно, – Иван улыбнулся. – Ну так что, показывать?

– Покажи, – согласилась девушка. – Чем еще заниматься «вплоть до особого распоряжения»? Не в гости же к тебе напрашиваться...

– Такси! – Мгновенно сориентировался Казаков.

Когда они уселись в подруливший экипаж, он приложил к сканеру киберпилота руку и коротко приказал «домой».

***

...– Отто, это я, – Потоп развалился в кресле перед компьютером. – Генерал Ага доложил о результатах первого этапа Президенту. Главнокомандующий тебя сильно хвалил. Можешь гордиться.

– Сейчас уроню слезу, – Отто усмехнулся. – Вы, главное, не раскачивайтесь там долго. Пока не остыли эмоции и «бины» вне игры, пусть Президент начинает переговоры с Председателем о создании в Сибири свободной политико-экономической зоны. Без нее нам второй уровень не осилить. Операция «Перевертень» требует крупных финансовых вложений, особенно его американский этап.

– Хорошо, я передам Аге твои слова, а уж он-то сделает все как надо. Ну, а насчет следующего этапа... Мы на тебя надеемся.

– Правильно делаете, – Отто усмехнулся. – Видишь, где я?

– Небоскреб какой-то...

– Это Нью-Йоркская биржа. Через час здесь стартуют первые торги перевернутой эпохи. Начнется закат системы «никей-джонс» и зарождение новой экономики. К седьмому февраля семидесятого, думаю, как раз управимся. До связи, Потоп.

Отто выключил телефон, вошел в здание биржи и по-хозяйски оглянулся.

«Ну что, господа японцы, думаете, вы хозяева Штатов навсегда? Ошибаетесь. Часики тикают, к вам идет перевертень...»